

Ф. В. ТАРАНОВСКИЙ

Монтескье о России (К истории Наказа императрицы Екатерины II)

В разнообразном эмпирическом материале, в котором Монтескье аргументирует свои рассуждения «О духе законов», имеются данные и относительно России. Сравнительно с количеством наблюдений над законодательством и политическим строем классической древности народов Европы и Азии, данных этих, правда, не много, но все же они есть. Незначительные численно и несущественные для уразумения основных мыслей трактата Монтескье, они, тем не менее, весьма интересны для нас в виду того значения, которое имел Дух законов для построения официальной теории русского государственного строя во второй половине XVIII века.

Прямых ссылок на Россию нам удалось найти в «Духе законов» всего двадцать три *. Редактор одного из новейших русских переводов «Духа законов» подозревает намек на Россию (на Петра Великого и основанный им С. Петербург) в рассуждении

* *Esprit des lois*, кн. III, гл. VIII, абз. 4; кн. V, гл. XIV, абз. 8, 14 и 24; кн. VI, гл. XVI, абз. 6; кн. VII, гл. XVII, абз. 2; кн. IX, гл. IX, абз. 2; кн. X, гл. XIII, абз. 2; кн. VI, гл. II; кн. XII, гл. XII, абз. 3; кн. XII, гл. XXVI; кн. XII, гл. XXVIII, абз. 3; кн. XIII, гл. VI, абз. 2; кн. XIII, гл. XII, абз. 3, подстрочн. примеч.; кн. XIV, гл. II, абз. 9; кн. XV, гл. VI, абз. 3; кн. XVII, гл. III, абз. 6 (последн.); кн. XVIII, гл. III, абз. 6 (последн.); кн. XIX, гл. XIV, абз. 3–6; кн. XIX, гл. XV; кн. XXI, гл. VI, абз. 9; кн. XXII, гл. XIV; кн. XXVI, гл. XXIII, абз. 3.

Монтескье «о столице империи» (кн. XVII, гл. VIII)*. Если даже признать такое предположение правильным, то все же нельзя придавать этому намеку особенного значения по существу, ввиду специальной в данном случае оговорки Монтескье об имеющихся как в механике, так и в политике трениях, которые часто изменяют или останавливают выводы теории. Вследствие этого мы ограничимся рассмотрением только тех мест «Духа законов», в которых делаются прямые, непосредственные и несомненные указания на Россию.

В качестве источника, откуда заимствованы сведения о России для «Духа законов», сам Монтескье указывает описание состояния России, сделанное англичанином Джоном Перри¹, состоявшим на службе у Петра Великого в 1696–715 годах. Сочинение Перри вышло в свет на английском языке в 1716 году** и в следующем же году было издано в переводе на французский язык, в каком виде читал его Монтескье и цитировал в «Духе законов»***. Кроме сведений, почерпнутых у Перри, приводятся в «Духе законов» данные о России, которые относятся к более позднему, чем сочинение Перри, времени****. Источника, откуда взяты эти данные, Монтескье не указывает. Нет нужды разыскивать эти источники, так как все фактические данные о России более позднего, чем сведения Перри, времени сводятся к таким общеизвестным актам русского законодательства и общеизвестным политическим событиям в России, о которых Монтескье, их современник, мог сам слышать или читать в повременной

* Монтескье, О духе законов / перев. с франц. под ред. А. Г. Горнфельда со вступительной статьей М. М. Ковалевского. — СПб., 1900 г. — С. 276, прим. 3-е.

** J. Perry, The state of Russia under the present Czar. — London, 1716. — Капитан Джон Перри, Состояние России при нынешнем царе, перев. с англ. кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, Чтения в И. М. О. И. и Др. Р., 1871 г., кн. I–II.

*** Монтескье цитирует парижское издание 1717 года (*Espr. de lois*, кн. XII, гл. XXVI, прим.) У меня в руках брюссельское издание того же года: *Estat présent de la Grande Russie contenant une rélation de ce que S. M. Czarienne a fait de plus remarquable dans ses etats; et une description de la religion, des moeurs et tant des russiens, que des tartares et autres peuples voisins, par le capitaine Jean Perry, traduit de l'anglais, à Bruxelles 1717.*

**** См. *Esprit de lois*, кн. V, гл. XIV, абз. 24; кн. VII, гл. XVII, абз. 2; кн. XII, абз. 3; кн. XIII, гл. VI, абз. 2; кн. XVII, гл. III, абз. 6; кн. XXII, гл. XIV, гл. XII, абз. 2; кн. XXVI, гл. XXIII, абз. 3.

печати^{*}. В виду этого необходимо признать Перри основным источником тех данных о России, которые содержатся в «Духе законов», тем более, что, как мы это увидим ниже, Монтескье не только берет у Перри отдельные факты, но и совпадает с ними в общем освещении русских политических порядков.

В предисловии Монтескье наставляет читателя в том, что цель и смысл «Духа законов» заключается не в изложении фактов, а в их объяснении. Важны не отдельные случаи, а те принципы, которым отдельные случаи подчиняются сами собой, так что истории отдельных народов представляются не более, как следствиями этих принципов, извлеченных из природы вещей, т. е. рационалистически.

Следуя общему наставлению автора, мы рассмотрим данные «Духа законов» относительно России не со стороны их фактического содержания, а с точки зрения тех общих принципов, которым они подчинены.

Первым в порядке изложения и наиболее общим применительно к основному замыслу автора «принципом» «Духа законов» является устанавливаемое Монтескье различие образов правления. Можно, думается нам, безошибочно утверждать, что основной замысел Монтескье в «Духе законов» заключается в раскрытии условий, обеспечивающих в государственном строе свободу личности. По отношению к свободе, как цели общежития, распределяются в конце концов у Монтескье все различаемые им образы правления^{**}. В виду этого имеется, полагаем, достаточное основание признать данную Монтескье конструкцию образов правления наиболее общими из «принципов», на которых постро-

^{*} Таковы уставы о престолонаследии 1722 г. (кн. V, гл. XIV, абз. 24), правление женщин (кн. VII, гл. XVII, абз. 2; от Perry, р. 181, Монтескье мог узнать только о правлении царевны Софии), способ сбора подушной подати при Петре Великом (кн. XIII, гл. VI, абз. 2), олигархическое правление верховников (кн. XVII, гл. III, абз. 6), указ Елизаветы Петровны 1745 г. о евреях (кн. XXII, гл. XIV, абз. 2), указ Елизаветы Петровны о престолонаследии (кн. XXVI, гл. XXIV, абз. 3). Исключение составляет цитируемый Монтескье (кн. XII, гл. XII, абз. 3) приговор Анны Иоановны по делу Долгоруких, как факт более частный. Однако, он не столь важен и существенен, чтобы производить специальное изыскание об источнике, из которого он почерпнут.

^{**} Об этом подробно см.: Тарановский, Ф. В. Заметки о Монтескье // Юридич. Записки, изд. Демид. Юрид. Лицеем, 1913 г. вып. I (XV)–II (XVI) и отд. изд. — Ярославль, 1913; и Тарановский, Ф. В. Учебник энциклопедии права. — Юрьев, 1917. — § 39.

ен его «Дух законов». С точки зрения этой именно конструкции мы и рассмотрим данные «Духа законов» относительно России.

Такая постановка вопроса вполне соответствует как содержанию тех данных, которые имеются в «Духе законов» относительно России, так и тому специальному интересу, который представляют эти данные для историка русского права. Значительно преобладающее большинство (шестнадцать из двадцати трех) данных «Духа законов» относительно России имеют прямое и непосредственное значение для определения ее образа правления. Так как «Дух законов» послужил источником для официальной конструкции русского государственного строя, провозглашенной во второй половине XVIII столетия с высоты престола, то для историка русского права весьма не безынтересно знать в точности и с исчерпывающей подробностью, в какую форму правления укладывал Россию сам Монтескье.

Непосредственное определение образа правления русского государства и материал для суждения о нем содержат в себе, как сказано, преобладающее большинство данных «Духа законов» о России; большинство, значит, не все. Поэтому нам необходимо предварительно выделить те данные, которые не имеют отношения к интересующему нас вопросу, и только потом уже всецело заняться устанавливаемой в «Духе законов» конструкцией русского государственного строя.

Не имеющие значения для занимающего нас вопроса семь указаний «Духа законов» относительно России могут быть разделены на три группы: 1) сделанные вскользь и, так сказать, безразличные упоминания о России и ее государях, 2) краткие характеристики физиологических особенностей и нравов русского народа, 3) ссылка на один публично-правовой институт русского государства.

Поясняя, что с точки зрения деспотического правления государство отождествляется с лицом государя, Монтескье замечает: «На решение турок заключить сепаратный мир с Петром I всего более повлияло то, что москвитяне сказали визирю, что в Швеции возвели на престол другого короля» (кн. V, гл. XIV, абз. 8).

Чтобы убедить читателя в том, что величие, сила и могущество государства в международном обороте относительны и изменчивы, Монтескье рисует перед ним картину взаимоотношений держав в эпоху около середины царствования Людовика XIV² и, очевидно, предоставляет современному ему читателю сравнить

недавнее прошлое с настоящим. В конце своей исторической справки Монтескье говорит: «Московия не была более известна в Европе, чем Крым» (кн. IX, гл. IX, абз. 2). — Доказывая, что земледельческая культура страны зависит не от плодородия почвы, а от свободы, Монтескье между прочим ссылается на то, что «самые умеренные по климату части Персии, Турции, России^{*} и Польши не смогли оправиться от опустошений больших и малых татарских орд» (кн. XVIII, гл. III, абз. 6). — В главе о торговле древних народов читаем: «Можно бы предположить, что Селевк³ хотел соединить оба (Черное и Каспийское) моря в том самом месте, где впоследствии это было сделано царем Петром I, т. е. в той полосе земли, где Танаис⁴ приближается к Волге» (кн. XXI, гл. VI, абз. 9)^{**}. — Как видно все три упоминания о России, выделенные нами в первую группу, действительно имеют характер случайный и не дают решительно ничего для суждения о русском государственном строе.

Развивая свою оригинальную мысль о пониженной чувствительности жителей севера к ощущению боли, Монтескье приходит к следующему выводу: «Чтобы пробудить в москвитянине чувствительность, надо с него содрать кожу» (кн. XIV, гл. II, абз. 9). — Среди различных значений, придаваемых слову свобода, упоминается и такое: «Некий народ долго принимал свободу за обычай носить длинную бороду» (кн. XI, гл. II). В примечании к данному месту автор поясняет: «Москвитяне не моглистерпеть того, что царь Петр приказал обрезать ее»^{***}. — Приведенные данные второй группы, хотя и не относятся прямо к интересующему нас вопросу о конструкции русского государственного строя, не могут быть, однако, названы безразличными для него, так как климату Монтескье приписывает существенно важное значение в деле установления того или другого образа правления, а нравы народа, особенно его представление о свободе, точно также относятся к числу факторов, определяющих государственное устройство. Тем не менее, мы можем на этих данных не останавливаться, потому что затронутые в них только вскользь вопросы

^{*} Редкий случай, когда Монтескье говорит о России, а не о Московии, как обыкновенно он выражается.

^{**} См.: Perry, J. L'état présent de la Grande Russie. — Bruxelles 1717. P. 3—4, о проекте канала, dans l'endroit où ces deux Rivières s'approchent le plus.

^{***} О почитании бороды см. J. Perry, Op. cit. — P. 246—247.

о значении климата России для ее политического развития и об оценке борьбы Петра Великого с нравами и обычаями московской старины ставятся в других местах «Духа законов» прямо и обсуждаются обстоятельно.

Наставая на вреде личной унии и на законности недопущения ее во имя блага государства, Монтескье заявляет: «Таким образом русский^{*} закон, изданный в начале царствования Елизаветы⁵, весьма благоразумно исключил всякого наследника (престола), который владеет другой монархией» (кн. XXVI, гл. XXIII, абз. 3). Приведенное место мы выделили в особую группу, так как оно говорит о публично-правовом институте, имеющем значение для вопроса об образе правления. Дело в том, что в цитируемом законе можно бы усмотреть зарождение некоторого прочного, основного закона о престолонаследии, что присуще монархии и не свойственно деспотии (см. «Дух законов», кн. XXVI, гл. XVI, абз. 4 и кн. V, гл. XIV, абз. 26). Монтескье не делает однако этого вывода, потому что приведенный закон Елизаветы Петровны о несовместимости в одном лице обладания престолом российским и престолом иностранного государства не отменил Петровского устава о престолонаследии 5 февраля 1722 г.⁶, при наличии которого не могло быть речи о прочном порядке наследования по основному закону монархии. В виду этого мы включили упоминание о приведенном выше законе Елизаветы Петровны в число данных, не имеющих прямого отношения к занимающему нас вопросу о том, в какую форму правления укладывал Монтескье государственный строй России.

<...>

Когда мы теперь обратимся к данным «Духа законов» об образе правления в России, то увидим, что данные эти отражают в себе воззрение Перри в его основных чертах. Мы встретим тоже внешнее противоположение московской старины и Петровской реформы и то же отрицание принципиального изменения образа правления и после реформы. Конечно все это получило у Монтескье более тщательную отделку, более совершенную конструкцию и более углубленное объяснение в соответствии с его собственными «принципами». Тем не менее, в основе всего

^{*} В подлиннике: *la loi de Russie*, — второй случай употребления у Монтескье слова Россия, а не Московия.

мы повсюду увидим факты, сообщенные Перри, и данное им же освещение фактов.

В полном согласии с Перри образ правления России признается в «Духе законов» произвольным, т. е., согласно терминологии Монтескье, деспотическим. Такая квалификация не только дается старому политическому укладу московской эпохи, но и распространяется на государственный строй России после Петровских реформ вплоть до ближайшего к изданию «Духа законов» времени.

По частному вопросу о правлении женщин, Монтескье ссылается на пример Московии, чтобы показать, как удаётся это правление в государстве деспотическом*. Здесь Россия прямо названа деспотией. В нескольких других местах приводится ряд юридических и политических институтов России, почитаемых за существенные и характерные признаки деспотического правления.

В специальной главе, посвященной вопросу о том, как законы находятся в зависимости от деспотического правления**, устанавливается свойственный деспотизму характер престолонаследия. «В государствах, в которых вовсе нет основных законов», говорит Монтескье, «преемство власти не может быть определенным. Корона передается там по избранию государя в пределах его семьи или вне ее»***. Высказав такое положение относительно государств, в которых вовсе нет основных законов, т. е. относительно правления деспотического, Монтескье иллюстрирует его, кроме примеров Турции, Персии, Монголии, Марокко, еще и ссылкой на учреждения Московии, в особенности на устав 5 февраля 1722 г. о престолонаследии****.

* *Esprit de lois*, кн. VII, гл. XVII, абз. 2: Si l'on ajoute à cela l'exemple de la Moscovie et de l'Angleterre, on verra qu'elles (sc. les femmes) réussissent également, et dans le gouvernement modéré, et dans le gouvernement despotique.

** Кн. V, гл. XIV: Comment les lois sont relatives au principe du gouvernement despotique.

*** Кн. V, гл. XIV, абз. 22: Dans les Etats, où il n'y a point de lois fondamentales, la succession à l'empire ne saurait être fixe. La couronne y est élective par le prince, dans sa famille où hors de sa famille.

**** Кн. V, гл. XXIV, абз. 24: Par les constitutions de Moscovie, le czar peut choisir qu'il veut pour son successeur, soit dans sa famille, soit hors de sa famille. В подстрочном примечании к этому месту сказано: Voyez les différentes constitutions, surtout celle de 1722.

Среди образцов несправедливого несоответствия между наказанием и преступлением приводится пример Московии, где наказание для воров и убийц одно и то же, и где поэтому при кражах всегда убивают *. Этот пример говорит в пользу деспотического характера московского государства, ибо суворость наказаний более соответствуют правлению деспотическому **, и автор не делает применительно к Московии указания на возможность смягчить отсутствие различия в наказании надеждой на помилование ***.

Величайшую угрозу личной свободы Монтескье видит в неясном определении преступления оскорбления величества **** и, тем более, в произвольном установлении его состава. Наибольшим произволом в этом отношении он считает отнесение к составу преступления произнесения нескромных слов о государе *****. Против такого произвола Монтескье ополчается грозной, сравнительно с общим спокойным и выдержаным тоном его труда, филиппикой. «Слова», говорит он, «отнюдь не образуют состава преступления, они остаются только в мысли. Большей частью они ничего не значат сами по себе, а только по тону, которым их произносят. Часто, воспроизводя один и те же слова, не передают того же смысла: этот смысл зависит от связи слов с другими вещами. Иногда молчание выражает больше, чем все речи. Нет ничего столь двусмысленного, как все это. Как же можно создавать из этого преступление оскорбления величества? Повсюду, где такой закон установлен, нет более не только свободны, но

* Кн. VI, гл. XVI, абз. 6: *En Moscovie, où la peine des voleurs et celle des assassins sont les mêmes, on assassine toujours. Les morts, y dit on, ne racontent rien.* В подстрочном примечании к первой фразе сделана общая (без указания места) ссылка на Перри. См. Perry, op. cit, p. 289: *les Moscovites tuent d'ordinaire ceux qu'ils volent et disent d'une manière barbare, que les morts ne racontent rien.* Как видим, Перри сообщает только бытовой факт, юридическое же объяснение принадлежит Монтескье. Нечего говорить, насколько Монтескье не точен относительно меры наказания за кражу; об отмене смертной казни при Елизавете Петровне ⁷ он не знает.

** Кн. VI, гл. IX, абз. 1.

*** Сравн. кн. VI, гл. XVI, абз. 7: *Quand il n'y a point de difference dans la peine, il faut en mettre dans l'espérance de la grâce. En Angleterre, on n'assassine point, parce que les voleurs peuvent espérer d'être transportés dans les colonies; non pas les assassins.*

**** Кн. XII, гл. VII, абз. 3.

***** Кн. XII, гл. XII, абз. 1: *Rien ne rend encore la crime de lèse-majesté plus arbitraire que quand des paroles indicrètes en deviennent la matière.*

даже и тени ее» *. Приведенное общее рассуждение поясняется непосредственно за ним следующей ссылкой на Россию. «По манифесту покойной царицы (Анны Иоановны), изданному против семьи Долгоруких ⁸, один из этих князей приговорен к смерти за произнесение неприличных слов, которые имели отношение к ее особе; другой — за злонамеренное истолкование ее мудрых государственных распоряжений и оскорблении ее священной особы словами мало почтительными» **. Уже из предыдущего видно, что приведенный приговор Анны Иоановны квалифицируется, как проявление деспотического правления. Такая именно квалификация становится к тому же несомненной в связи с данной этому приговору последующей оценкой. «Скажу, не обинаясь», заявляет Монтескье, «что если хотят умерить деспотизм, то просто исправительное наказание подойдет лучше в этих случаях, чем обвинение в оскорблении величества, всегда страшное даже для невинности» ***.

«Что в монархии государь должен быть доступен для подданных, это положение», говорит Монтескье, «будет усвоено много лучше из рассмотрения противоположных тому порядков». Последнее Монтескье находит в России и говорит: «Царь Петр I, рассказывает г. Перри, издал новый указ, которым запрещается подавать государю жалобы без предварительной двукратной подачи жалобы его чиновникам ⁹. В случае отказа в правосудии можно представить третью жалобу уже государю; но кто при этом окажется неправым, должен лишиться жизни. Никто с тех пор не обращался с жалобой к царю» ****. Судебные порядки в России противополагаются здесь соответственным порядкам монархии, и русский государственный строй выставляется, таким образом, в качестве контраста монархическому правлению, т. е., в виде правления деспотического.

* Кн. XII, гл. XII, абз. 2.

** Кн. XII, гл. XII, абз. 3.

*** Кн. XII, гл. XII, абз. 4.

**** Кн. XII, гл. XXVI: Que dans la monarchie le prince doit être accessible. Cela se sentira beaucoup mieux par les contrastes: «Le Czar Pierre I-er, dit le sieur Perry, a fait une nouvelle ordonnance qui défend de lui présenter de requête qu'après en avoir présenté deux à ses officiers. On peut, en cas de déni de justice, lui présenter la troisième; mais celui qui a tort doit perdre la vie. Personne depuis n'a adressé de requête au czar».

В приведенном месте Монтескье берет у Перри не только самый факт, но и его освещение, при котором указ Петра Великого рассматривается не как новшество, вызванное стремлением к отмене личного суда монарха и прочному установлению законного порядка судебных инстанций, а как продолжение судебного произвола московской старины. Не располагая, очевидно, никакими другими сведениями о судоустройстве и судопроизводстве при Петре Великом и игнорируя Сенат, а, быть может, ничего не зная о нем, Монтескье подпал всецело под влияние Перри. Поэтому приведенный указ Петра Великого оказался истолкованным в «Духе законов» применительно к свойственному деспотии принципу целокупной передачи власти чиновникам (*Esprit de lois*, кн. V, гл. XVI), и Монтескье не пришла в голову мысль связать этот указ с тем правилом, согласно которому государь может сам судить в государствах деспотических, но не может этого делать в монархиях *. Позволительно поэтому думать, что у Монтескье прочно укоренилось убеждение в деспотичности русского государственного строя.

Рекомендуя монархам относиться бережно к своим подданным и щадить у них чувство чести, Монтескье, между прочим, говорит: «Когда монархи оскорбляют своих подданных, они обращаются с ними гораздо более жестоко, чем обращаются со своими подданными повелители Турции и Московии. Когда эти последние оскорбляют своих подданных, они их унижают, но не бесчестят; что же касается монархов, то они, оскорбляя своих подданных, и унижают их, и бесчестят» **.

Такое различие эффекта, вызываемое одинаковым обращением с подданными, объясняется тем, что в монархиях царит честь, а в деспотических государствах она неизвестна, и в них часто даже

* Кн. VI, гл. V, абз. 5: *Dans les Etats dépotiques, le prince peu juger lui même. Il ne le peut dans les monarchies: la constitution serait détruite, les pouvoirs intermédiaire dépendants anéantis, on verrait cesser toutes les formalités des jugements; la crainte s'emparerait de tous les esprits; on verrait la pâleur sur tous les visages; plus de confiance, plus d'honneur, plus d'amour, plus de sureté, plus de monarchie.*

** Кн. XII, гл. XXVIII, абз. 3: *Lorsqu'ils insultent leurs sujets, ils les traitent bien plus cruellement que ne traite les siens le Turc ou le Moscovite. Quand ses derniers insultent, ils humilient et ne déshonorent point; mais pour eux, ils humilient et déshonorent.*

нет слова для ее выражения, говорит Монтескье ^{*}, ссылаясь в данном случае на Перри ^{**}, который характеризует русских, как людей в высшей степени вероломных и бесчестных, и уверяет даже, что в русском языке совсем нет слова, которое могло бы передать истинный смысл понятия о чести ^{***}. В подтверждение того, что оскорблениe не бесчестит русских, Монтескье не цитирует Перри, но мог бы это сделать, так как Перри сообщает, что даже наказание батогами или кнутом ¹⁰ не налагает на русских клейма позора в обществе ^{****}.

В исследовании об отношениях взимания податей и размеров государственных доходов к свободе, имеется в «Духе законов» и специальное суждение о взимании денежных податей с частновладельческих крепостных крестьян. Монтескье полагает, что в монархиях такие подати должны взиматься государством не непосредственно, а при посредстве владеющих крестьянами дворян (кн. XIII, гл. V). Такому порядку надлежит, по мнению Монтескье, следовать еще более неуклонно в государстве деспотическом (кн. XIII, гл. VI, абз. 1). По этому последнему поводу Монтескье ссылается на Россию и говорит: «Петр I, желая принять германскую

^{*} Кн. III, гл. VIII, абз. 4: *L'honneur, inconnu aux Etats despotiques, où même souvent on n'a pas de mot pour l'exprimer, règne dans les monarchies; il y donne la vie à tout le corps politique, aux lois et aux vertus mêmes.*

^{**} Прямая ссылка на Перри сделана в подстрочном примечании.

^{***} Perry, J. Op. cit. — P. 271: ... la perfidie dont tout le monde soit que les Moscovites usent à l'égard de tous ceux qui négotient avec eux, en leur manquant de parole; de sorte que c'est un mot commun entre les Etrangés, qui sont dans ce Pays là Voulez vous savoir si un Moscovite est honnête homme, voyez s'il a du poil au creux de la main, et si vous n'y en trouvez pas, concluez qu'il ne l'est point... P. 272: Ils (les Moscovites) sont si peu d'égard pour leur parole, et ils ont si peu de connaissance de l'honneur pris dans son véritable sens, qu'il n'y a dans leur langue aucun mot qui le puisse exprimer. — Приведенное место вызывает различную реакцию у историков. Н. Д. Сергеевский на основании этого места относит Перри к числу тех иностранцев, «которые нередко доходят до того, что изрыгают целые потоки самой резкой браны на русских людей...» См.: Сергеевский, Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. — СПб., 1888. — С. 56. Напротив того, Валишевский цитирует указанное место без оговорок и упрекает лишь Перри в ошибке, будто у русских нет и слова «честь». См.: Waliszewski, K. Les origines de la Russie moderne. Le berceau d'une dynastie. Les premiers Romanovs 1613–1682, Paris 1909. — P. 463.

^{****} Perry, J. Op. cit. — P. 272–273: ...après avoir été batus de Battoks ou de Knout quoique l'execution ait été faite par le Bourreau, ils ne sont notez d'aucune infamie.

практику и взимать налоги деньгами, сделал весьма благоразумное распоряжение, которому до сих пор следуют в России^{*}. Дворянин взимает налог с крестьян и уплачивает его царю. Если число крестьян уменьшается, он платит, как и прежде; если число их увеличивается, он не платит больше прежнего; таким образом он заинтересован в том, чтобы не притеснять своих крестьян» (кн. XIII, гл. VI, абз. 2).

Выставив положение, что «во всех деспотических государствах люди продают себя с большею легкостью: рабство политическое там некоторым образом уничтожает свободу гражданскую» (кн. XV, гл. VI, абз. 2), Монтескье тут же вспоминает о России: «Г-н Перри говорит^{**}, что москвичи очень легко продают себя. И я знаю», разъясняет Монтескье, «почему это: потому, что их свобода ничего не стоит» (кн. XV, гл. VI, абз. 3).

Мы привели и рассмотрели все данные «Духа законов», по которым русский государственный строй признается в этом трактате деспотическим. Анализ этих данных показывает, что суждение Монтескье о деспотизме в России не случайно и не голословно с точки зрения его политической теории, но носит систематический, так сказать, характер и аргументируется довольно разносторонне применительно к выдвигаемым автором основным критериям публично-правовой конструкции.

С точки зрения «принципа правления», отмечается характерное для деспотических государств отсутствие в России той «чести», которая царит в монархиях (кн. III, гл. VIII, абз. 4). Сверх того, устанавливается, что русский устав о престолонаследии представляет собою образец закона, вполне соответствующего «принципу» деспотического правления (кн. V, гл. XIV, заглавие и абз. 24).

Относительно обеспечения личной свободы, неприкосновенности имущества и нерушимости чести подданных путем справедливых предписаний уголовного закона^{***}, правильной

^{*} Третий случай употребление термина «Россия» вместе обычного «Московия».

^{**} В подстрочном примечании сделана глухая ссылка на парижское издание Перри 1717 г. в имеющемся у меня брюссельском издании я, к сожалению, не мог разыскать того места, где это Перри говорит.

^{***} О зависимости обеспечения личной свободы, неприкосновенности имущества и нерушимости личной чести от характера уголовных законов см. *L'esprit*

организации суда^{*} и надлежащего обращения государей с подвластным им народом^{**} в «Духе законов» даются одни лишь отрицательные показания о России. Последовательно указываются: несправедливое несоответствие между наказанием и преступлением в русском уголовном праве (кн. VI, гл. XVI, абз. 6), произвол верховной власти в России при установлении состава преступления оскорблении величества (кн. XII, гл. XII, абз. 3), недоступность царя для всеподданнейших жалоб на неправосудие (кн. XII, гл. XXVI) и полная у русских государей возможность оскорблять своих подданных в виду отсутствия у них чувства чести (кн. XII, гл. XXVIII, абз. 3).

В связи с обеспечением неприкосновенности имущества путем соответственной постановки государственных налогов^{***}, дается в «Духе законов» положительная оценка способу взаимодействия взимания подушной подати в России (кн. XIII, гл. VI, абз. 2). Следует однако иметь в виду, что русские порядки удостаиваются в данном случае одобрения не в качестве проявления свободы, а как умерение налогового бремени, долженствующее служить в деспотическом государстве равноценным возмещением отсутствующей свободы^{****}. Податная ответственность помещика за крепостных перед государственной казной предохраняет лишь крестьян от произвола сборщиков государственных податей^{*****}, но

des lois, кн. VI, гл. II *passim* и особенно абз. 3, кн. XII, гл. IV, абз. 1; кн. VII, абз. 3.

^{*} О значении правильной организации суда для гражданской свободы см. *L'esprit des lois*, кн. VI, гл. I.

^{**} О том что чувство чести подданных предъявляет известные требования к монарху в деле личного обращения с его подданными см. *L'esprit des lois*, кн. XII, гл. XXVIII.

^{***} Об этом см. *Esprit des lois*, кн. XIII, гл. X, XII и XIV.

^{****} См. *Esprit des lois*, кн. XIII, гл. XII, абз. 3: *Mais la règle générale reste toujours. Il y a dans les Etats modérés un dédommagement pour la pesanteur des tributs: c'est la liberté. Il y a dans les Etats despotes un équivalent pour la liberté: c'est la modicité des tributs.*

^{*****} *Esprit des lois*, кн. XIII, гл. V: *Mais, s'il (le prince) veut lever des tributs en argent sur les esclaves de sa noblesse, il faut que le seigneur soit garant de tribut, qu'il le paye pour les esclaves et le reprenne sur eux; et si l'on ne suit pas cette règle, le seigneur et ceux qui lèvent les revenus du prince vexeront l'esclave tour à tour, et le reprendront l'un après l'autre, jusqu'à ce qu'il perisse de misère ou fuie dans les bois. — Ce que je viens de dire, продолжает Монтескье (кн. XIII, гл. VI, абз. 1) est encore plus indispensable dans l'Etat despote.*

совершенно чужда стремления к водворению требуемого для имущественной свободы и безопасности правомерного принципа установления налогов*.

Наконец, по вопросу о взаимоотношении между образом правления и гражданской свободой, в самом тесном смысле этого слова, отмечается в «Духе законов» относительно России полное соответствие между царящим в ней политическим рабством и охотным поступлением русских людей в рабство гражданское (кн. XV, гл. VI, абз. 3)**.

Показав, как в «Духе законов» русский государственный строй изображается с точки зрения различных проявлений в нем деспотического правления, считаем не лишним подчеркнуть, что среди этих проявлений уделено больше всего внимания полной необеспеченности личной свободы и отсутствию гарантий имущественной неприкосновенности. По этому поводу невольно приходит на мысль связь, которую в данном случае легко установить между Монтескье и Перри, характеризовавшим «произвольный строй правления» в России как раз по тем же двум основным критериям, — по положению личной свободы и частного имущества подданных. Подчеркивая эту связь, мы отнюдь не имеем в виду утверждать, будто Перри был непроизводным первоисточником в деле установления указанных двух основных критериев для различия видов единовластия, а Монтескье их у него заимствовал. Подобное утверждение было бы совершенно неправильно. Задолго до XVIII века, начиная с Бодена¹¹, первого теоретика нового европейского государства, западно-европейская политическая мысль проводила различие между королевской или законной монархией, сеньориальной или вотчинной, и монархией тиранической***. Существенным признаком королевской или законной

* См. *Esprit des lois*, кн. XIII, гл. I.

** Сравн. *L'esprit des lois*, кн. XV, гл. I, абз 2: *Dans les pays despotiques, où l'on est déjà sous l'esclavage politique, l'esclavage civil est plus tolérable qu'ailleurs. Chacun y doit être assez content d'y avoir sa subsistance et la vie. Ainsi la condition de l'esclave n'y est guère plus à charge que la condition du sujet.*

*** Наши историки-юристы почему-то совершенно не учитывают этой теоретико-политической традиции при изучении истории политических учений в России. Насколько нам известно, только Г. В. Плеханов привлекает указанную теорию единовластия для сравнения с соответственными построениями русской политической мысли, что приводит его к выводам

monarхии почитали признание монархом естественной свободы подданных. Естественная свобода эта понималась в двояком направлении: как свобода личности и как неприкосновенность частной собственности. Обоих этих видов свободы не видели ни в монархии сеньориальной или вотчинной, ни в тиранической, в которых поэтому состояние подданных характеризовалось, как политическое рабство. Это традиционное воззрение на различные виды единовластия было, очевидно, известно и Перри, в отечестве которого во имя начал *liberty and property* перешли от королевской монархии к монархии конституционной, и Монтескье, как специалисту теоретику. Традиционная теория была несомненно воспринята Монтескье: из королевской монархии получилось у Монтескье умеренное монархическое правление, а монархия вотчинная и тираническая слились у него в несвободном правлении деспотическом. Перри тут был, конечно, ни при чем. Значение Перри, как источника, сводится лишь к тому, что в его сочинении о России материал наблюдений над ее государственным строем был собран и освещен с точки зрения традиционных критериев для суждения о характере единовластия. Это облегчило для Монтескье возможность непосредственно использовать данный материал для своих публично-правовых конструкций.

Признавая разносторонность данной в «Духе законов» характеристики русского деспотизма, не можем не отметить в ней одного своеобразного пробела, а именно, — в ней ничего не говорится о русском государственном строе с точки зрения «природы правления». Это несомненное умолчание имеет свои причины, которые его не только объясняют, но и делают весьма показательным для определения общего воззрения Монтескье на государство российское.

О «природе» деспотического правления Монтескье говорит только в одной единственной главе своего произведения (кн. II, гл. V) и определяет ее там исключительно по признакам, соединяющимся в традиционном представлении с восточными, азиатскими деспотиями. Тут являются на сцену и великий визирь, и сераль, и евнухи, и восточная лень. Учреждение должности великого визиря составляет основной закон деспотического государства (кн. II, гл. V, абз. 1 *in fine*). Так как подобной обстановки не было

весьма интересным и поучительным. См. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли. Том I. — М., 1914. — С. 163–166.

в России, то вполне понятно, что Монтескье ничего не мог сказать о русском государственном строе с точки зрения «природы» деспотического правления.

Кроме восточного, азиатского деспотизма^{*} Монтескье знает еще европейское деспотическое правление. Оно не фигурирует у него в начальных книгах «Духа законов», специально посвященных общему учению о формах правления (кн. II и III) и, быть может, по соображениям цензурным, скрывается в различных менее бросающихся в глаза местах пространного трактата.

Европейский деспотизм выступает в «Духе законов» не как первоначальная форма правления, а в виде извращения монархий^{**}. Необходимо поэтому отметить проводимые у Монтескье указания относительно такого извращения.

Установив, что сложность законов уголовных и форм судопроизводства необходима для обеспечения свободы граждан, Монтескье говорит: «В соответствии с этим, когда один человека (sc. носитель единовластия) становится более абсолютным, он думает прежде всего об упрощении законов. В таком государстве начинают обращать внимание более на частные неудобства^{***}, чем на свободу подданных, о которой совсем и отнюдь не заботятся» (кн. VI, гл. II, абз. 6). Приведенные слова содержат в себе первое указание на извращение монархии. Путь этого извращения заключается в уничтожении той гарантии свободы, которая заключается в справедливой постановке уголовного закона и суда.

Второй путь извращения монархии в деспотию намечается следующим образом. «Монархия гибнет, когда государь полагает, что он более выкажет свою власть, изменяя порядок вещей, чем следя ему, когда он отнимает естественные функции у одних, чтобы передать их произвольно другим, и когда он более влюблен в свои фантазии, чем в свои волеизъявления. — Монархия гибнет, когда монарх, относя все единственно к себе, сводит государство к своей столице, столицу к своему двору и двор к своей единой

^{*} Выражение *despotisme de l'Asie* употреблено Монтескье в *Esprit des lois*, кн. XI, гл. VI, абз. 12.

^{**} О том, что монархия при извращении переходит неизбежно в деспотизм см. кн. VIII, гл. VIII, абз. 1.

^{***} *Inconvénients particuliers*, смысл которых понятен в связи со следующим сделанным раньше указанием Монтескье: ...les peines, les dépenses, les longueurs, les dangers même de la justice, sont le prix que chaque citoyen donne pour sa liberté (кн. VI, гл. II, абз. 2).

особе. — Наконец, она гибнет, когда государь не сознает своего авторитета, своего положения, любви своих народов и когда он хорошо не понимает, что монарх должен почитать себя в безопасности так же, как деспот должен считать себя в опасности» (кн. VIII, гл. VI, 3—5). Третье из приведенных положений относится к указанному выше первому пути извращения монархии в деспотию, так как предусматриваемый должно эгоистический страх государя за свою власть и за самую жизнь свою ведет обычно к притеснениям и произволу в области уголовного законодательства и суда. Что же касается двух первых положений, то они отмечают новый, второй путь извращения монархии в деспотию, сущность которого заключается в устраниении и уничтожении необходимых для построения монархии посредствующих властей. Так как власти посредствующие (*les pouvoirs intermédiaires*) составляют «природу» монархического правления (кн. II, гл. IV, абз. 1), то устранение и уничтожение этих властей надлежало бы рассматривать, как извращение «природы» монархии. Монтескье поступает, однако, иначе и видит в этом «порчу принципа монархии» (кн. VIII, гл. VI, заглавие). Несомненную в данном случае непоследовательность Монтескье следует, пожалуй, отнести насчет тех же цензурных соображений, которые, надо полагать, заставили его в учении о «природе» деспотического правления ограничиться изображением одних лишь деспотий востока.

Третий путь извращения монархии в деспотию обнаруживается в подмеченном Монтескье факте, что «государи, желавшие стать деспотическими, всегда начинали с соединения в своем лице всех магистратур^{*}, а многие короли Европы — с соединения в своем лице всех должностей государства» (кн. XI, гл. VI, абз. 11). Можно, конечно, сказать, что в приведенном только что месте подразумевается то же уничтожение посредствующих властей, о котором была уже речь выше. Так как, однако, рассматриваемое место находится среди учения о разделении, точнее о разлучении властей, то нельзя не признать, что в данном случае имеется в виду уничтожение, если не разделения, то во всяком случае того особого распределения (*une distribution particulière*) властей, которое свойственно монархиям (кн. XI, гл. VII, абз. 2 и кн. XI,

^{*} Здесь несомненно имеются в виду императоры древнего Рима. Они вообще приводятся в качестве примера деспотических правителей, — см. напр. кн. III, гл. IX, абз. 6; кн. VIII, гл. VII, абз. 2, подстр. прим. и абз. 3.

гл. XX) и выражается по меньшей мере в отделении от особы государя власти судебной (кн. XI, гл. VI, абз. 7).

Четвертый путь извращения монархии в деспотию лежит не среди государственных учреждений, но в области нравов, — нравов государя и нравов народа. Государь ведет монархию к деспотии, когда унижает и позорит государственных сановников в глазах народа, когда раздает должностные почести в разрез с требованиями чести и соединяет их с заведомым позором, когда, наконец, заменяет правосудие жестокостью (кн. VIII, гл. VII, абз. 1—3). К тем же последствиям приводит и развращение народа, «когда души особенно подлые чванятся величием своего раболепия и полагают, что от того, что они всем обязаны государю, у них нет никаких обязанностей по отношению к отечеству» (кн. VIII, гл. VII, абз. 4). Нравам государя придается, однако, более решительное значение, чем нравам народа, и последние рассматриваются даже, как нечто производное от первых. «Нравы государя вносят в дело свободы столько же, сколько и законы: государь может, как и законы, сделать из людей животных и из животных людей. Если он любит свободные души, у него будут подданные; если он любит души низкие, у него будут рабы» (кн. XII, гл. XXVIII, начало)*.

Таковы пути извращения монархии в деспотию. Они же представляют собою существенные признаки европейского деспотизма, не подходящего под присущую азиатскому востоку «природу деспотического правления», и потому своеобразного.

В одном месте «Духа законов» встречаем название: «монархи крайне абсолютные». Так как в виде общего правила монархическое правление признается умеренным (кн. XI, гл. VI, абз. 7 и гл. VII) и власть монарха только кажется беспредельной, а на самом деле удерживается в известных границах даже самыми малыми препятствиями (кн. II, гл. IV, абз. 7) и вообще знает пределы, в которых ей надлежит действовать (кн. XII, гл. XXV, абз. 2), то отсюда следует, что монархия крайне абсолютная не укладывается в рамки общего типа монархического правления и от него уклоняется. В монархии нет еще подлинной свободы, а

* Интересно отметить, что цитируемое место составляет начало главы, следующей непосредственно за сообщением о недоступности Петра Великого для жалоб его подданных на неправосудие (кн. XII, гл. XXVI). Не следует ли из этого, что Монтескье усматривал в царствовании Петра Великого не только деспотические законы, но и деспотические нравы у государя?

имеется лишь дух свободы ^{*}, который выражается как свобода умеренная (кн. XI, гл. VI, предпоследн. абз.). Поэтому уклонение от монархии возможно в двояком направлении: положительном, в сторону полного осуществления свободы, и отрицательном, в сторону несвободы. Но полное осуществление свободы дано лишь в государственном строе Англии (кн. XI, гл. V, абз. 2 и гл. VI, абз. 3-й с конца), в монархии конституционной, и названо Монтескье «крайней политической свободой» (кн. XI, гл. VI, предпоследн. абз.), причем Монтескье отмечает в Англии ослабление монархического правления ^{**}. Отсюда следует, что монархия крайне абсолютная не может представлять собою ничего иного, как только уклонение от монархии в отрицательном направлении, то есть в сторону от свободы даже умеренной, по направлению к несвободе. Такой вывод подтверждается еще и тем, что монархии крайне абсолютные упоминаются Монтескье в связи с отсутствием одного из проявлений свободы, — свободы слова, и противополагаются государствам крайне свободным, как их решительный антитезис ^{***}. Несвободное правление есть правление деспотическое; следовательно, монархия крайне абсолютная есть, в сущности говоря, деспотия. Особое же название для нее введено затем, чтобы оттенить некоторое своеобразие ее сравнительно с основным видом деспотии по «природе» правления, или деспотией восточной. Значит, монархия крайне абсолютная есть ничто иное, как европейская деспотия. Отмечая упрощение законов в качестве одного из признаков извращения европейской монархии в деспотию, Монтескье говорит, что о таком упрощении думают

^{*} Кн. XI, гл. VII, абз. 1: *Les monarchies que nous connaissons n'ont pas comme celle dont nous venons de parler, la liberté pour leur objet direct; elles ne tendent qu'à la gloire des citoyens, de l'Etat et du prince. Mais de cette gloire il résulte un esprit de liberté que, dans ces États, peut faire d'aussi grandes chausse, et peut-être contribuer autant de bonheur que la liberté même.*

^{**} Кн. XX, гл. XXI, абз. 2: *Il est contre l'esprit de la monarchie que la noblesse y fasse le commerce. L'usage, qui a permis en Angleterre, le commerce à la noblesse, est une des choses qui ont le plus contribué à y affaiblir le gouvernement monarchique.*

^{***} Кн. XIX, гл. XXVII, предпоследн. абз.: *Dans les monarchies extrêmement absolues, les historiens trahissent la vérité, parce qu'ils n'ont pas la liberté de la dire; dans les Etats extrêmement libres, ils trahissent la vérité, à cause de leur liberté même, qui, produisant toujours des divisions, chacun devient aussi esclave des préjugés de sa faction qu'il le serait d'un despote.*

прежде всего тогда, когда носитель единовластия становится «более абсолютным» (кн. VI, гл. II, абз. 6).

По отношению к свободе Монтескье находит возможным расположить все государства по мере убывания свободы в виде нисходящего ряда, на самом верху которого окажется Англия, а на самом низу Турция^{*}. Если мы теперь спросим, какое место должна занять в этом ряду монархия крайне абсолютная, или европейская деспотия, то ответ на этот вопрос может быть дан только такой: предпоследнее место внизу, перед Турцией, являющейся для Монтескье образцом деспотии восточной.

Возвращаясь к данной в «Духе законов» характеристике русского деспотизма, мы можем теперь с достаточным, думается нам, основанием сказать, что Монтескье не находит в русском государственном строе «природы правления» восточных деспотий и усматривает в нем, напротив того, признаки деспотизма европейского. По этому поводу невольно вспоминается известный отзыв Флетчера¹² о государственных порядках у русских, согласно которому «образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать сколько возможно по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических»^{**}. Различие двух приведенных оценок русского государственного строя объясняется разделяющим их полуторавековым промежутком времени, произведенной Петром Великим европеизацией России и, в не меньшей мере, различием политических критериев у авторов. Необходимо к тому же иметь в виду, что Монтескье признавал русский народ по природе европейским. Но об этом будет у нас специально речь впереди.

Пока, чтобы закончить рассмотрение данных «Духа законов» о русском деспотизме, мы должны еще отметить, что такая характеристика русского государственного строя относится не только к старым московским его порядкам, но и к царствованию Петра Великого, как видно из ссылок на устав о престолонаследии 1722 г. (кн. V, гл. XIV, абз. 24 подстр. прим.), на указ 1718 г.¹³ о

^{*} *Esprit des lois*, кн. XIII, гл. XII, абз. 1: *Règle générale: on peut lever de tributs plus forts, à proportion de la liberté des sujets; et l'on est forcé, de les modérer à mesure que la servitude augmente. Celà a toujours été, et cela sera toujours. C'est une règle tirée de la nature, qui ne varie point: on la trouve par tous les pays, en Angleterre, en Hollande, et dans tous les Etats, où la liberté va se dégradant, jusqu'en Turquie.*

^{**} Флетчер, О государстве русском, изд. 2-е, СПб. 1905 г., глава VII. — С. 25.

запрещении обжалования судебных решений Сената (кн. XII, гл. XXVI) и на порядок взимания подушной подати (кн. XIII, гл. VI, абз. 2), а также и к правлению преемников Петра Великого, о чем свидетельствуют ссылки на пребывание женщин на российском престоле (кн. VII, гл. XVII, абз. 2) и на приговор Анны Иоановны по делу Долгоруких (кн. XII, гл. XII, абз. 3).

Хотя в рамках деспотизма оказываются уложенными в «Духе законов» и традиционный московский государственный строй, и преобразовательное царствование Петра Великого, и правление его преемников, тем не менее, эпоха Петровских реформ не могла пройти для публично-правовых конструкций Монтескье незамеченной и не отмеченной. Действительно мы видим, что Монтескье останавливается на ней и имеет о ней особое суждение.

О произведенных Петром Великим преобразованиях заводится речь в «Духе законов» при рассмотрении вопроса о том, каковы естественные средства для изменения нравов и обычаев народа (кн. XIX, гл. XIV). На поставленный вопрос Монтескье отвечает, что надлежит «преобразовывать посредством законов то, что установлено законами, и изменять посредством обычаев то, что установлено обычаями; изменять же посредством законов то, что должно быть изменено посредством обычаев — очень дурная политика» (кн. XIX, гл. XIV, абз. 2). Такого рода дурную политику Монтескье видит как раз у Петра Великого, что и дает ему повод высказать свое суждение о характере и успехе Петровских преобразований. «Закон, обязывающий москвитян стричь бороду и укорачивать платье, и насилие Петра I, приказывавшего обрезывать до колен длинную одежду тех, кто входили в города^{*}, были делом тираническим. Есть средства противиться преступлениям: это наказания; есть средства вызывать изменения обычаев: это примеры. — Легкость и быстрота, с которой эта народность благоустроилась (*cette nation s'est policée*), достаточно доказали, что этот государь был слишком дурного о ней мнения, и что его народы вовсе не были скотами, как он это говорил. Насильственные средства, которые он употреблял, были бесполезны; он достиг было также своей цели и кратостью. — Он сам испытал легкость этих изменений. Женщины были затворницами и до некоторой степени рабынями; он призвал их ко двору, велел их одеть по-

^{*} См.: Perry, J. Op. cit. — P. 246–248.

немецки, посыпал им материи на платье *. Этот пол тотчас полюбил образ жизни, столь сильно льстивший его вкусу, суетности и страстям, и заставил и мужчин полюбить его. — Обстоятельство, облегчившее преобразование, заключалось в том, что тогдашние нравы были чужды климату страны и были занесены в нее смешением различных народностей и завоеваниями. Петр I, вводя нравы и обычаи Европы в европейский народ, находил такие облегчения своему делу, которых он и сам не ожидал. Власть климата сильнее всех властей. Для изменения нравов и обычаев народа не было, в сущности говоря, нужды в законах: достаточно было бы Петру I внушить народу другие нравы и другие обычаи» (кн. XIX, гл. XIV, абз. 3–6).

В приведенном рассуждении относительно России нас интересует не пояснение тезиса о том, каким путем надлежит преобразовывать нравы и обычаи народа, а объяснение той легкости, с которой вошли в жизнь соответственные новшества, заведенные Петром Великим. Несмотря на применение неправильного метода, — законодательного давления, тогда как естественные средства заключались в кротком воздействии посредством поучительного примера, — и вызванное этой неправильностью ненужное насилие, преобразования Петра Великого все же удались, потому что Петр насаждал нравы и обычаи Европы среди европейского народа. В этой удаче Монтескье видит лучше подтверждение своей теории климатов. Этим только и можно объяснить, почему именно в данном месте значение климата формулировано столь категорически, как это не было сделано ни в одной из книг, специально посвященных этому вопросу **. Мы имеем в виду приведенный выше афоризм о том, что «власть климата сильнее всех властей» (*l'empire du climat est le premier de tous les empires*). В связи с таким же афоризмом приобретает значение первостепенной важности заявление Монтескье о том, что русский народ — народ европейский. Правда, заявление это сделано применительно к нравам и обычаям, но, как увидим ниже, сила его действия не исчерпывается этой областью, но сказывается и

* См.: Perry, J. Op. cit. — Р. 245–250. И в том, и в другом случае Перри говорит, что царь заставил своих подданных одеваться по-английски.

** См. книги XIV–XVII и особенно кн. XIV, гл. V: *Que les mauvais législateurs sont ceux qui ont favorisé les vices du climat; et les bons sont ceux qui s'y sont opposés.*

в оценке государственного строя России. Чтобы обнаружить это, нам необходимо предварительно остановиться на общем учении Монтескье об отношении между «природой климата» и образом правления страны.

«Природа климата» воздействует на образ правления не непосредственно, а через посредство психического склада народов, различного в различных климатических условиях (кн. XVII, гл. II; кн. XIV, гл. II). Из всех душевных качеств существенно важное для организованного общежития значение приписывается у Монтескье мужеству. Населению холодных стран оно свойственно, по мнению Монтескье, в весьма высокой степени, а у жителей стран жарких оно подорвано до крайних пределов. «Поэтому не надо удивляться», говорит Монтескье, «что малодушие народов жаркого климата почти всегда делало их рабами^{*}, между тем как мужество народов холодного климата удерживало их в свободном состоянии. Это следствие, которое вытекает из своей естественной причины» (кн. XVII, гл. II, абз. 2). Приведенное основное положение содержит в себе простейшую формулу политической климатологии Монтескье. Применительно к сложным климатическим условиям двух важнейших в истории человечества материков, — Азии и Европы, — первоначальная формула получает дальнейшее развитие.

«В Азии», говорит Монтескье, «собственно совершенно нет умеренного пояса; местности, расположенные в очень холодном климате, соприкасаются там непосредственно с местностями, находящимися в климате очень жарком, каковы Турция, Персия, Монголия, Китай, Корея и Япония. — В Европе, напротив того, умеренный пояс очень пространен. Правда, он расположен в климатических условиях, весьма между собой различных, так что нет ничего общего между климатом Испании и Италии, с одной стороны, и климатом Норвегии и Швеции, с другой стороны. Однако, так как в Европе климат холодает нечувствительно по направлению от юга к северу, почти что пропорционально широте каждой страны, то выходит, что каждая страна в Европе по климату почти что сходна с соседней с нею страной, нет поэтому резких различий в климатическом отношении, и умеренный пояс, как я только что сказал, оказывается очень пространным. — Отсюда

^{*} Сравн. кн. V, гл. XV, абз. 1: *Das les climats chauds, où régne ordinairement le despotisme...*

следует, что в Азии народности противопоставлены друг другу, как сильный слабому; воинственные, храбрые и деятельные народы соприкасаются непосредственно с народами изнеженными, ленивыми и робкими; от этого и должно происходить то, что один народ оказывается завоеванным, другой становится завоевателем. В Европе, напротив того, народности противопоставлены друг другу, как сильный сильному, и те, которые соприкасаются друг с другом, обладают мужеством почти одинаковым. В этом заключается великая причина слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии, причина, насколько мне известно, еще никем не отмеченная. Этой причиной вызывается то, что в Азии свобода никогда не увеличивается, между тем как в Европе она увеличивается или уменьшается, смотря по обстоятельствам» (кн. XVII, гл. III, абз. 3–5).

Сообразно «природе климата» деспотизм представляет собою своего рода нормальный образ правления для Азии и является в ней, по выражению Монтескье, так сказать, «натурализованным»*. Что же касается Европы, то в ней нет своего исконного автохтонного деспотизма. На европейском материке деспотическое правление может вдовориться только путем извращения монархии вследствие злоупотребления властью, а также через великое завоевание**.

Признавая русский народ народом европейским и, следовательно, Россию европейской страной, Монтескье нигде и никогда не выводит установившегося в ней деспотического образа правления

* *Esprit des lois*, кн. V, гл. XIV, абз. 28: ...la partie du monde où le despotisme est pour ainsi dire naturalisé, qui est l'Asie.

** Кн. VIII, гл. VIII, абз. 2: La plupart des peuples d'Europe sont encore gouverné par les moeurs. Mais si, par un long abus du pouvoir; si par une grande conquête, le despotisme s'établissait à un certain point, il n'y aurait pas de moeurs ni de climat qui tinssent, et, dans cette belle partie du monde, la nature humaine souffrirait, au moins pour un temps, les insultes qu'on lui fait dans les trois autres. — По поводу последних слов считаем нужным напомнить, что Австралия ко времени издания «Духа законов» не была еще открыта, и указать, что Африка и Америка ставятся у Монтескье в климатическом и политическом отношениях на одну доску с классической страной деспотизма — Азией. См. кн. XVIII, гл. VII: Voilà ce que je peux dire sur l'Asie et sur l'Europe. L'Afrique est dans un climat pareil à celui du midi de l'Asie et elle est dans une même servitude. L'Amérique, détruite et nouvellement repeuplée par les nations de l'Europe et de l'Afrique, ne peut guère aujourd'hui montrer son propre génie; mais ce que nous savons de son ancienne histoire est très-conforme à nos principes.

из «природы» ее климата^{*}. Как мы уже знаем, он характеризует русский деспотизм, как деспотизм европейский. Последний и в России представляется ему не прирожденным, а нажитым и в значительной мере наносным.

Каким образом деспотизм водворился в России, такого вопроса Монтескье прямо не ставит. Однако мы можем извлечь из «Духа законов» ответ и на этот вопрос, так как для его решения имеем возможность воспользоваться по аналогии тем объяснением, которое Монтескье дает происхождению несвойственных природе климата России нравов московской эпохи и, сверх того, располагаем одним прямым указанием Монтескье относительно происхождения политического рабства в Московском государстве.

Чуждые природе климата страны нравы московской эпохи «были занесены в нее смешением различных народностей и завоеваниями» (кн. XIX, гл. XIV, абз. 6). Если смешение народностей исказило первоначальные европейские нравы русского народа, то завоевания отразились, несомненно, не только на нравах народа, но и на политическом строе государства. Великое завоевание может быть, по мнению Монтескье, причиной будущего водворения деспотизма во всей Европе (кн. VIII, гл. VIII, абз. 2). Так как Россия уже испытала на себе такое великое завоевание в виде татарского ига, то можно с достаточным основанием полагать, что это именно завоевание и было в глазах Монтескье основной причиной водворения в России деспотизма. Такое заключение тем более правильно, что Монтескье прямо и открыто признает естественным следствием завоеваний, произведенных северо-западными народами, в частности татарами, установление в покоренных ими странах политического рабства^{**}.

* Неправы поэту А. Сорель и Е. В. Спекторский, когда первый из них говорит, а второй повторяет, будто по теории климатов Монтескье жара производит у азиатов те же результаты, что холод у русских. См. A. Sorel, Montesquieu, 2-me éd. Paris 1889, p. 117. Е. В. Спекторский, К вопросу о системе «Духа законов», Ярославль 1912 г. — С. 29.

** *Esprit des lois*, кн. XVII, гл. V, *passim* особенно абз. 5—6. — В той же главе говорится о прямо противоположных следствиях завоеваний со стороны народов севера Европы, — готов и особенно скандинавов. При этом воспевается панегирик народам Скандинавии за то, «что они были источником свободы Европы, то есть почти всей той свободы, которая имеется в настоящее время у людей» (кн. XVII, гл. V, абз. 7). — Мы уже указывали однажды, что такой взгляд Монтескье на Скандинавию и исходившие из нее завоевания, по всей вероятности, были причиной возникновения нор-

Кроме великого завоевания, происхождение деспотизма в России объясняется по данным «Духа законов» еще и злоупотреблением власти. Таковым, очевидно, надлежит признать политику того государя, который, по словам Монтескье, обратил московское дворянство в рабство^{*} и, следовательно, извратил монархию в деспотию по принципу: «нет дворянства, нет и монарха, а есть деспот» (кн. II, гл. IV, абз. 2).

Как страна европейская, в которой деспотизм водворился в силу неблагоприятных этнографических и политических условий, а не по природе ее климата, Россия не представляется Монтескье обреченной на вечное политическое рабство неподвижного востока. У нее все же можно предполагать возможность восстановления надлежащего соответствия между природой ее климата и образом правления. Такое предположение допустимо в виду тех успехов, которые были достигнуты реформой Петра Великого в области нравов. Сам Монтескье усматривает причинную связь между состоянием нравов и политическим строем и на основании улучшения первого предсказывает усовершенствование второго. Такой именно прогноз ставится им по поводу проведенного Петром Великим раскрепощения женщин в домашнем быту, иначе говоря, по поводу уничтожения домашнего рабства, как выражается сам Монтескье (см. кн. XVI, гл. I). «Это изменение нравов женщин без сомнения», говорит Монтескье, «значительно повлияет на правление Московии. Все до крайности связано между собою: деспотизм государя естественно соединяется с рабством женщин^{**}, а свобода женщин — с духом монархии» (кн. XIX, гл. XV).

манской теории¹⁴ в историографии второй половины XVIII века. См. Ф. В. Тарановский, Норманская теория в истории русского права, Варшава 1909 г.

* Кн. XVII, гл. III, абз. 6: *Que la noblesse moscovite ait été reduite en servitude par un de ses princes, on y verra toujours des traits d'impatience que les climats du midi ne donnent point.* — Последние слова содержат в себе прямое опровержение того отмеченного нами выше парадоксального замечания о политико-климатологической оценке России у Монтескье, которое высказывает Сорель и поддерживает Е. В. Спекторский. — В холодной России деспотизм, как и в жарких странах, но в последних он вызван «природой климата», а в первой «обстоятельствами» (см. кн. XVII, гл. III, абз. 5 *in fine*). О том, что «обстоятельства» могут приводить к тому же, что и природные условия, см. *Esprit des lois*, кн. XVIII, гл. XIX, последн. абз.

** О рабстве женщин в деспотиях см. *Esprit des lois*, кн. VII, гл. IX, абз. 2; кн. VII, гл. XV, абз. 2; кн. XVI, гл. IX, абз. 2; кн. XIX, гл. XII, абз. 4.

Вообще, эпоха Петра Великого оценивается у Монтескье, как движение русского государства к новой жизни. Этим обстоятельством объясняется в «Духе законов» крушение завоевательных замыслов Карла XII¹⁵. «Он взялся низвергнуть», говорит Монтескье, «не государство в состоянии упадка, а нарождающуюся империю. Москвичи воспользовались войной с ним, как школой. После каждого поражения они приближались к победе и, терпя урон вовне, они научились обороняться внутри» (кн. X, гл. XIII, абз. 2). Это признанное Монтескье зарождение новой жизни в России вряд ли могло оставаться в собственных его глазах безразличным для государственного строя.

Несоответствие политического рабства природе климата России доказывается в «Духе законов» не только чертами нетерпеливого отношения народа к такому строю, но и ссылкой на факт существования в ней, хотя всего лишь в течение нескольких дней, аристократического правления (кн. XVII, гл. III, абз. 6), под которым, очевидно, разумеется затейка верховников¹⁶ при воцарении Анны Иоановны.

Как видно из приведенных отзывов Монтескье, мнение его о стремлении России к восстановлению надлежащего соответствия между образом правления в ней и природой ее климата в высшей степени сдержанное. С одной стороны, признается общее обновление государственной жизни в связи с реформами Петра Великого и предсказывается влияние некоторых из них на самый образ правления; с другой стороны, отмечается нетерпеливое отношение дворянства к политическому рабству и констатируется факт существования в течение нескольких дней аристократического правления. Отсутствие апатичного примирения с порабощением, возможность движения к некоторому освобождению, наконец, неудавшаяся попытка свержения деспотического единовластия, все это в общем — незначительно и, главное, как-то не осязательно. Невольно возникает вопрос, не находил ли Монтескье какого-либо осязательного признака, по которому мог бы судить о факте и степени изменения образа правления в России. Оказывается, что такой признак был им найден, отмечен, и соответственное суждение было высказано в связи с учением об отношении величины налогов к свободе.

Монтескье устанавливает общее правило, согласно которому размер налогов прямо пропорционален степени свободы подданных (кн. XIII, гл. XII, абз. 1). Сообразно этому в деспотических

государствах налоги оказываются небольшими, и эта их незначительность представляет собою эквивалент, предлагаемый населению за лишение его свободы (кн. XIII, гл. XII, абз. 3). В подстрочном примечании к последнему положению говорится: «В России налоги посредственны по своим размерам; их увеличили с тех пор, как деспотизм является там более умеренным»*. Таким образом, оказывается, что Монтескье находит в русском государственном строе известное умерение, или уменьшение деспотизма. Чем оно вызвано и с каких пор началось, на это нет никаких указаний. Так как, однако, о большей умеренности деспотизма говорится в настоящем времени, то отсюда следует, что Монтескье дает такую характеристику современному для него состоянию образа правления в России, и можно предположить, что начало его относится ко времени зарождения империи, т. е. к эпохе реформ Петра Великого. В пользу такого предположения можно привести аналогичный взгляд Перри, согласно которому Петр Великий желал внести различного рода «умерения» в «произвольный» строй московского государства.

Деспотизм стал в России настолько более умеренным, что оказалось возможным увеличить налоги и, следовательно, приблизиться в этом отношении к порядкам монархии. Спрашивается, исчерпывается ли этим финансовым преуспеянием все достижимое в области политического развития России, или же оно представляет собою только первый шаг на пути полного перехода от деспотического правления к монархическому. Этот вопрос решается по данным «Духа законов» в неблагоприятном и, можно сказать, неутешительном для русского государственного строя смысле.

«Поглядите, пожалуйста», говорит Монтескье, «с каким усердием правительство ищет выхода из деспотизма, который для него тягостнее, чем для самих его народов. Упразднены целые большие части войск**, уменьшены наказания за преступления,

* Кн. XIII, гл. XII, абз. 3: En Russie les tributs sont médiocres; on les a augmentés depuis que le despotisme y est plus modéré. Voyez l’Histoire des Tatars, deuxième partie. — Подчеркиваем название Россия вместо обычного Московия.

** Имеется в виду упразднение стрельцов (см. указ. русск. перев. «Духа законов»). — С. 65, прим. 1-е), отмеченное у Перри; см. J. Perry, op. cit., p. p. 231—232. Чтобы понять, почему Монтескье придает этому обстоятельству принципиальное значение, необходимо иметь в виду сказанное им в абза-

учреждены суды, началось знание закона (как источника права)*, просветили народ. Но имеются особенные причины, которые, быть может, приведут его обратно к тому несчастью, от которого оно желало бежать» (кн. V, гл. XIV, абз. 14).

Все те изменения государственных порядков, в которых Монтескье видит искренние и решительные мероприятия в деле освобождения страны от деспотизма и стремления к умеренному правлению монархическому, относятся к преобразованиям, произведенным Петром Великим. Это является новым подтверждением высказанной нами выше мысли, что умерение русского деспотизма связывается в «Духе законов» с эпохой Петровских реформ. Подчеркнув это обстоятельство, относящееся к предыдущему изложению, мы должны теперь сосредоточиться на новом суждении Монтескье, — на его сомнении в прочности приобретений «умеренной свободы»** и предвидении возможности возврата к прежнему деспотизму***.

Такое сомнение и такой печальный прогноз плохо как-то вяжутся с отмеченным выше предсказанием Монтескье, что одно лишь произведенное Петром Великим изменение нравов женщин без сомнения значительно повлияет на правление Московии в

це, непосредственно предшествующем цитируемому: *La force n'étant pas (sc. dans le gouvernement despotique) dans l'Etat, mais dans l'armée qu'il a fondé, il faudrait, pour défendre l'Etat, conserver cette armée; mais elle est formidable au prince. Comment donc concilier la sûreté de l'Etat avec la sûreté de la personne?* (Кн. V, гл. XIV, абз. 13).

* *On a commencé à connaître les lois...* Для уразумения этого необходимо иметь в виду кн. II, гл. IV, абз. последний: *Dans les Etats despotiques, où il n'y a point de lois fondamentales, il n'y a pas non plus de dépôt des lois. De là vient que, dans ces pays, la religion a ordinairement tant de force: c'est qu'elle forme une espèce de dépôt et de permanence, et si ce n'est pas la religion, ce sont les coutumes qu'on y vénère, au lieu des lois.*

** В монархии — «умеренная свобода» (*Esprit des lois*, кн. XI, гл. VI, предпоследн. абз.).

*** Нелишним считаем указать на ту уверенность, которую питал Перри относительно восстановления московской старины в случае ранней смерти Петра Великого. См. J. Perry, *op. cit.*, p. 328: *Il est certain que si le Czar venait à mourir, avant la plus grande partie des vieux Boyars qui vivent présentement, la plus part des choses qu'il a pris tant de peine à reformer, reviendroient sur l'ancien pied: on croit, que le Prince son fils dont les inclinations sont fort différentes de celles du Czar, et qui est un peu addonné à la Superstition, se laisseroit aisement persuader de reprendre les vieilles coutumes, et d'abandonner presque tous les louables changements que son Père a faits.*

смысле приближения его к монархии (кн. XIX, гл. XV). Тут несомненно имеется известное противоречие, и если Монтескье, отдельывавший свое произведение в высшей степени тщательно, не устранил его, то, очевидно, только потому, что имеются, как он сам говорит, особенные причины, которые угрожают восстановлением деспотизма во всей его полноте. Какие это причины, Монтескье не указывает и выяснению своеобразных условий русской государственности не уделяет специального внимания и места в «Духе законов», как это он сделал в аналогичном случае для Китая*.

Вместо объяснения устойчивости деспотического правления в России, мы встречаем в «Духе законов» только еще одно новое подтверждение ее как факта, не поддающегося устраниению. Это новое и последнее по занимаемому им в «Духе законов» месту упоминание о русском деспотизме делается Монтескье в учении об отношении законов к монетному делу и международному обмену. «Московия», говорит Монтескье, «желала бы отойти от своего деспотизма, но не может. Установление торгового оборота требует установления вексельного обращения, а операции последнего противоречат всем законам этой страны. — В 1745 году царица издала указ об изгнании евреев¹⁷ за то, что они перевели за границу деньги лиц, сосланных в Сибирь, и служилых иностранцев. Все подданные империи, как рабы, не могут без разрешения ни выехать из государства **, ни вывезти своего имущества. Вексельное обращение, которое служит средством для перевода денег из одной страны в другую, оказывается, таким образом, в противоречии с законами Московии. — Самая торговля противоречит законам последней ***. Народ состоит только из рабов, прикрепленных к земле ****, и рабов, которых называют духовными или дворянами *****, потому что они являются господами первых. Таким образом, не

* См. *Esprit des lois*, кн. V, гл. XIX, абз. последн.; кн. VIII, гл. XXI; кн. XIX, гл. XVII.

** О запрещении выезжать за границу без разрешения патриарха (?) говорит J. Perry (*Op. cit.* — Р. 193).

*** О несовместимости торговли с деспотическим правлением см. *Esprit des lois*, кн. XX, гл. IV, абз. последн.; кн. V, глава XV, абз. 7; об уместности развития торговли в монархиях см. кн. V, гл. IX, абз. 10.

**** О прикреплении к земле говорит J. Perry (*Op. cit.* — Р. 325).

***** О том, что все население государства находится в рабском положении по отношению к государю говорит J. Perry (*Op. cit.* — Р. 299).

остается никого для третьего сословия, которое должно образовать ремесленников и купцов» (кн. XXII, гл. XIV).

Если мы тщательно проанализируем приведенное место и поглубже вникнем в его смысл, то общее значение его предстанет перед нами в следующем виде.

Благодаря деспотическому образу правления, все население России находится в рабстве и распадается на два основных слоя: непосредственных рабов государя, каковыми являются духовные и светские землевладельцы, и рабов этих рабов, каковыми являются прикрепленные к земле земледельцы. Не оказывается места для свободного третьего сословия, и потому нет данных для развития торговли внутри страны. Невозможно участие страны и в международной торговле, так как деспотизм, запрещая личный выезд и вывоз имущества подданных за границу, этим самым подрывает основы международного торгового оборота. Таков исконный уклад московского государства. Новейшим проявлением его неизменного действия является указ Елизаветы Петровны об изгнании евреев в том толковании, какое придает ему Монтескье. Начальное положение о том, что Московия желала бы отойти от своего деспотизма, но не может этого сделать, только поясняется названным Елизаветинским указом, но отнюдь не получает причинного объяснения ни в изложении самого указа, ни во всем вызванном им суждении о московском деспотизме. Обсуждая Петровские новшества, Монтескье только допускает возможность восстановления традиционного деспотизма (кн. V, гл. XIV, абз. 14). При разборе указа 1745 года прежняя возможность превращается уже в осуществившуюся действительность. Монтескье заявляет прямо и решительно, что Россия не может выйти из состояния деспотизма. Как мы уже знаем, имеются особенные причины неустранимости деспотизма в России, но каковы эти причины, Монтескье не указывает.

Вопрос, оставленный таким образом Монтескье без прямого ответа, представляет, однако, для нас интерес весьма существенный. Поэтому мы постараемся сами найти искомый ответ на основании установленных в «Духе законов» принципов. Проявляя такую самодеятельность, мы не только не исказим предначертаний нашего автора, но, напротив того, исполним прямое требование, предъявленное им к читателю. Отказываясь от всестороннего рассмотрения конкретизации одного из своих абстрактных принципов, Монтескье говорит: «Не следует исчер-

пывать предмета до того, чтобы ничего уже не оставить делать читателю. Дело не в том, чтобы заставить его читать, а в том, чтобы заставить его думать» (кн. XI, гл. XX). Читатель, значит, должен размышлять над основными общими положениями «Духа законов» и самостоятельно нисходить от них к частным случаям. Тем более позволительно это сделать нам по специальному вопросу о России, так как история отдельных народов представлялась самому Монтескье не более, как следствием из установленных им «принципов»*.

Причину неустранимости деспотизма в России нельзя полагать в политике правительства, так как, по прямому заявлению Монтескье, деспотизм оказывается в России более тягостным для правительства **, чем для народа (кн. V, гл. XIV, абз. 14), и русское правительство с усердием ищет выхода из деспотизма (*ibidem*), желало бы отойти от него, но не может (кн. XXII, гл. XIV, абз. 1), по причинам, очевидно, от него не зависящим. Нельзя усматривать непреодолимого препятствия к отмене деспотизма в нравах русского народа, ибо старые московские нравы характеризуются в «Духе законов», как чуждые климату страны, наносные и навязанные завоеванием, и потому признаются легко поддающимися европеизации (кн. XIX, гл. XIV, абз. 6), и, следовательно, приспособлению к свойственной европейским народам «умеренной свободе». Не противятся последней и религиозные верования русского народа, так как христианская религия вообще чуждается чистого деспотизма (кн. XXIV, гл. III, абз. 1). Остается искать неудалимую причину в условиях внешней физической среды.

Основным условием внешней среды, действующим на установление и удержание того или другого политического строя, признается в «Духе законов» «природа климата». Решающее значение ее явствует из заявления Монтескье, что «власть климата сильнее

* *Esprit des lois*, Préface, абз. 4: *J'ai posé les principes, et j'ai vu les cas particuliers s'y plier comme d'eux mêmes, les histoires des toutes les nations n'en être que les suites...*

** Мысль о том, что не только народ страдает, но и царь терпит убытки от деспотизма, высказывает Перри, который сверх того склоняется к мысли о неустранимости деспотизма в России. См. J. Perry, op. cit., p. 312: ...il faut que je donne ici deux ou trois exemples de préjudice que le Czar souffre dans ses Revenus, par la mauvaise disposition et l'imprudence conduite de ses Boyars; ce qui fera voir l'Oppression que son Peuple souffre, et sous laquelle il semble qu'il doit toujour gémir, malgré toutes les Réformations que le Czar s'efforce d'introduire.

всех властей» (кн. XIX, гл. XIV, абз. 6). Мощная власть природы климата не обрекает, однако, Россию в представлении Монтескье на деспотизм, потому что, как мы уже знаем, Монтескье считает Россию страной европейской, а Европу вообще — частью света, предрасположенной по климатическим условиям к политической свободе, если не полной, то умеренной.

В качестве второго условия внешней для человеческого общества среды выступает в «Духе законов» «природа почвы». Исследование последней не приводит однако Монтескье к установлению специального отношения между особенностями почвы и деспотическим образом правления в стране. Влияние различных свойств почвы на политический строй оказывается не столь детально, а лишь в более крупном масштабе. Этим различием объясняется в «Духе законов» только общее противоположение единовластия многовластию. «Доброчастенность земли в стране естественно устанавливает в ней зависимость», говорит Монтескье (кн. XVIII, гл. I, абз. 1), и этим объясняет подмечаемое однообразие, согласно которому «в странах плодородных чаще всего встречается правление одного, а в странах неплодородных — правление нескольких, являющееся иногда вознаграждением (за скудность почвы)» (кн. XVIII, гл. I, абз. 2).

Так как главным и основным источником сведений и суждений о России было для Монтескье сочинение Перри, в котором русская земля характеризуется, в общем, как плодородная и обильная^{*}, то можно предположить, что Монтескье находил соответствие между «природой почвы» России и установившейся в ней единоличной формой верховной власти. Самый же вид единовластия, — монархический или деспотический, — не предопределяется «природой почвы».

В порядке воздействия внешней среды на государственный строй выдвигается в «Духе законов» еще третье условие, — размеры государственной территории. Этому условию Монтескье не посвящает отдельной книги, как это сделано им для климата (кн. XVII) и почвы (кн. XVIII), и говорит о нем в отделе о «принципах правления», тем не менее формулирует его весьма категорически и придает ему громадное значение.

^{*} Perry, J. Op. cit. — P. 304: La Moscovie, à parler en général, est un Pays extrêmement uni et fertile, abondant en tout ce qui est nécessaire à la vie.

«В природе республики заложено, что она может иметь только небольшую территорию, иначе она не может удержаться» (кн. VIII, гл. XVI, абз. 1). «Монархическое государство должно быть средней величины (кн. VIII, гл. XVII, абз. 1). «Обширная империя предполагает деспотическую власть у того, кто ею правит» (кн. VIII, гл. XIX). Такова категорическая формула Монтескье. Соответственные размеры государственной территории он считает «отличительными свойствами» (*propriétés distinctives*) трех основных форм правления*. Определенное соотношение между размерами государственной территории и формой правления представляется Монтескье, вне всякого сомнения, как непреложный закон политической организации. Он знает лишь одно исключение из него, именно — «особенный случай с Испанией» **, которая сохранила у себя монархическое правление, несмотря на обширность своих владений. Однако, ближайшее рассмотрение этого «особенного случая» (кн. VIII, гл. XVIII) показывает, что умеренное правление удержалось только в метрополии, а в колониях и отдаленных завоеванных странах пришлось прибегнуть к произволу и крайней жестокости власти. При таком положении дела, Испания оказывается не столько изъятием из общего правила, сколько своеобразным его подтверждением.

Закон величины территории, если позволено его так назвать, как закон естественный ***, не может быть нарушен. Нарушение соответствия между размерами государственной территории и образом правления неизбежно влечет за собою либо распадение государства, либо изменение образа правления. Это изображается у Монтескье с особенной наглядностью применительно к непомерному увеличению территории в монархиях (кн. VIII, гл. XVII). Извращение таких монархий в деспотии совершается с неудержимой, стихийной силой. «Реки бегут», говорит Монтескье, «смешаться с морем: монархии устремляются раствориться в деспотизме» ****. На основании установленного закона и как следствие его, Монтескье провозглашает непреложное правило политики,

* См. заголовки XVI, XVII, XIX глав VIII-й книги *de l'Esprit des lois*.

** Кн. VIII, гл. XVIII: *Que la monarchie d'Espagne était dans un cas particulier.*

*** Монтескье называет зависимость образа правления от соответственных размеров территории «естественным свойством» (*propriété naturelle*) государств. См. кн. VIII, гл. XX.

**** Кн. VIII, гл. XVII, абз. 6: *Les fleuvent courent se meler dans la mer; les monarchies vont se perdre dans le despotisme.*

согласно которому надлежит удерживать государство в его прежней величине, иначе по мере сужения или расширения пределов государства изменится и дух его (кн. VIII, гл. XX).

Политическое правило о необходимости удержания государства в территориальных размерах, соответствующих образу его правления, преподается в «Духе законов», вне всякого сомнения, в виде наставления правителям. Такое наставление является уместным потому, что изменение территориальных пределов государства обычно вызывается войнами, которые ведутся правительствами, и в частности неизбежный при обширной территории деспотизм является следствием непомерного завоевания^{*}. Так как войны и завоевания представляются актами произвольной деятельности носителей государственной власти, то отсюда можно заключить, что закон величины территории, естественный по своему значению, выражает необходимое в онтологическом смысле отношение образа правления не к условиям внешней физической среды, а к условиям международной политики правительства. Такой взгляд на закон величины территории не может быть, однако, принят, ибо самый вопрос о завоеваниях углубляется в «Духе законов» вплоть до обоснования их на причинах физического порядка. Как раз именно сравнительный анализ завоеваний приводит Монтескье к раскрытию другой, сверх природы климата, или, как он сам выражается, новой физической причины рабства Азии и свободы Европы^{**}.

«В Азии», говорит Монтескье, «всегда наблюдались обширные империи; в Европе они никогда не могли удержаться. Это потому, что в известной нам Азии имеются более обширные равнины; она изрезана горами и морями на части более значительной величины; и, так как она занимает более южное положение, то источники там легче иссякают, горы менее покрыты снегом, и менее многоводные реки образуют там менее значительные преграды. — Власть в Азии должна быть всегда деспотической, ибо, если бы рабство не было там крайним, то немедленно произошло бы такое разделение страны, которого не стерпела бы ее природа.

^{*} Кн. X, гл. XVI: *Lorsque la conquête est immense, elle suppose le despotisme.*

^{**} *Esprit des lois*, кн. XVII, гл. VI: *Nouvelle cause physique de la servitude de l'Asie et de la liberté de l'Europe.* Глава эта находится в непосредственной связи с предшествующей ей, в которой разбирается вопрос о том, que, quand les peuples du nord de l'Asie et ceux du nord de l'Europe ont conquis, les effets de la conquête n'étaient pas les mêmes (кн. XVII, гл. V).

— В Европе, естественное ее разделение привело к образованию нескольких государств посредственных размеров, в которых законное правление отнюдь не наносит ущерба прочности государства; напротив того, оно настолько ей благоприятствует, что европейское государство без законов (sc. с правлением произвольным, деспотическим) клонится к упадку и становится ниже всех остальных. — Вот что образовало тот прирожденный дух свободы в Европе, благодаря которому каждая часть (этого материка) с очень большим трудом поддается и подчиняется посторонней силе иначе, как только с помощью законов и в интересах своей торговли. — Напротив того, в Азии царит дух рабства, никогда ее не покидавший; во всей истории этой страны невозможно найти ни одной черты, знаменующей свободную душу, а в ней можно усмотреть только один лишь героизм рабства» (кн. XVII, гл. VI).

Из приведенного места «Духа законов» видно, что образование обширных государств, хотя и совершается посредством завоеваний, зависит однако не от произвола внешней политики правителей, а от естественных условий, — географических особенностей страны. Обширные сплошные равнины, на поверхности которых нет высоких гор и больших водных пространств, неудержимо и стихийно ведут к образованию обширных государств и, следовательно, к установлению деспотического правления. Такое положение устанавливается у Монтескье применительно к Азии и в отличие последней от Европы. Так как, однако, изображенные им географические условия европейского материка верны только для Западной Европы и не соответствуют Восточной Европе, то вполне уместно по отношению к великой восточно-европейской равнине, на которой создалось российское государство, применить то, что говорится у Монтескье об обширных равнинах Азии. Такой прием вполне допустим еще и потому, что в другом месте «Духа законов» легкое подчинение равнин силе единовластия и непригодность их для выращивания политической свободы признаются уже в виде общего правила, независимо от того или другого материка и, следовательно, независимо от той или другой «природы климата» *.

* *Esprit des lois*, кн. XVIII, гл. I, абз. 2: *Ainsi le gouvernement d'un seul se trouve plus souvent dans les pays fertiles...* Кн. XVIII, гл. II, абз. 1: *Ces pays fertiles sont des plaines où l'on ne peut rien disputer au plus fort: on se soumet donc à lui; et, quand on lui est soumis, l'esprit de liberté n'y saurait revenir...*

Дойдя до такого вывода, мы тем самым извлекли из данных «Духа законов» ответ на вопрос об особенных причинах неустранимости деспотизма в России. Теперь мы можем сказать, что причины эти сводятся к географическим особенностям страны. Занимаемая Россией великая восточно-европейская равнина предназначена, в силу естественных условий, для образования обширного государства, а в обширном государстве неизбежно устанавливается деспотический образ правления. Действие закона величины территории не допускает ни нарушений, ни отступлений.

Выяснив со всей возможной для нас тщательностью весь ход мыслей Монтескье об образе правления в России, перейдем к вопросу о том, как отнеслась к нему императрица Екатерина II в своем «Наказе»¹⁸. Общеизвестно, что она не разделила мысли о неустранимости деспотизма в России и признала правление своего государства, хотя и абсолютным, но монархическим. В специальной работе, посвященной политической доктрине «Наказа»*, мы подробно выяснили публично-правовую конструкцию, в которую императрица Екатерина II облекла русский государственный строй, и показали, что конструкция эта существенно разнится от той формы монархического правления, которую знал и изображал Монтескье. Не повторяя сказанного ранее, считаем необходимым только напомнить и подчеркнуть то, на чем основывается Екатерина II возможность и неизбежность самодержавного монархического правления в России.

Обоснованию конструкции русского политического строя посвящены введение и две первые главы «Наказа». Во введении говорится о христианском законе, в первой главе — о европейском характере Российской державы и в третьей — о пространности или обширности русского государства. Первые два положения обосновывают возможность, третье — неизбежность абсолютной монархии в России. В первых двух положениях Екатерина II следует Монтескье, в третьем — отступает от него, так как выводит неизбежность монархии из крайней обширности государственной территории, между тем как по учению Монтескье обширная империя предполагает у ее правителя власть деспотическую.

* См.: Тарановский, Ф. В. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященном М. Ф. Владимировскому-Буданову, под ред. М. Н. Ясинского. — Киев, 1904.

Екатерина II отступает от закона величины территории, который выставляется в «Духе законов», как закон естественный и непреложный, действием которого объясняется неустранимость деспотического правления в России.

Екатерина II усердно и тщательно изучала «Дух законов», и хорошо его знала и понимала. Мы думаем поэтому, что она отдавала себе вполне ясный отчет в том, что закону величины территории придается в «Духе законов» роковое, так сказать, значение для России. Тем не менее она решилась аргументировать неизбежность монархии для русского государства теми же соображениями, из которых Монтескье выводит неизбежность деспотизма в обширной империи. Никак нельзя думать, что ею руководило в данном случае одно лишь произвольное желание, и напротив того следует предположить, что мы имеем дело с сознательным убеждением. Нельзя говорить о своевольном искажении мысли Монтескье. Екатерина могла ведь обойтись без соображений о величине территории и не давать таким образом в руки своих критиков столь легко добываемого оружия против себя. Повторяя соображения Монтескье, но привлекая их к противоположному тезису, Екатерина не искажала мысли своего источника, но отступала от нее в силу сознательного убеждения. Как сложилось это новое самостоятельное убеждение, Екатерина II не рассказывает нам нигде и не поясняет в «Наказе». Не зная хода мыслей автора «Наказа», мы можем о нем только догадываться.

Догадка наша заключается в предположении, что основание для отступления от закона величины территории Екатерина II нашла в самом «Духе законов», именно, в высказываемом в нем учении о возможности преодоления естественных условий среды путем соответственного законодательства. Такая возможность прямо предусматривается по отношению к природе климата. Власть климата сильнее всех властей, учит Монтескье (кн. XIX, гл. XIV, абз. 6), и тем не менее не только считает дурными тех законодателей, которые поощряли порожденные климатом пороки, и хорошими тех, которые им противились (кн. XIV, гл. V), но и прямо предписывает преодолевать природу климата силою положительных законов и таким путем восстанавливать действие первоначальных законов разумных существ (кн. XVI, гл. XII, абз. 4)*. Если такие отступления допускаются самим Монтескье

* Кн. XVI, гл. XII, абз. 4: *Quand donc la puissance physique des certains climats*

по отношению к сильнейшей власти климата, то почему бы не допустить их и по отношению к действию закона величины территории? Имеется, думается нам, полное основание для последнего отступления особенно при соответственном уровне культурного состояния страны. «Природа и климат», учит Монтескье, «господствуют почти одни над дикарями» (кн. XIX, гл. IV, абз. 2). Следовательно, не у дикарей нет безраздельного и властного давления естественных условий. Так как Россия несомненно вышла из дикого состояния, то позволительно думать, что она вышла и из-под исключительного действия «естественного (т. е. природного) свойства» размеров своей территории, особенно если законодательство ее успешно боролось с «пороком» ее территории*. «Многие вещи», говорит Монтескье, «правят людьми: климат, религия, законы, правила правления (*les maximes du gouvernement*), примеры прошлого, нравы и обычаи; и как результат всего этого образуется дух народа. Во всяком народе по мере того, как одна из этих причин действует с большей силой, прочие настолько же уступают перед нею» (кн. XIX, гл. IV, абз. 1—2). По мере проведения в русском законодательстве правил монархического правления ослабевало действие величины русской государственной территории. В силу этого требуемая при обширной территории скорость решений могла уже обеспечиваться в России не деспотической властью ее правителя (*Esprit des lois*, кн. VIII, гл. XIX), но властью самодержавной (Наказ, ст. 10), т. е. абсолютно-монархической. Так, надо полагать, рассуждала императрица Екатерина II. При этом она могла сослаться на Монтескье, который в одном месте своего трактата считает естественным последствием разрастания территории «правление одного» (кн. IX, гл. I, абз. 3), т. е. как деспотию, так и монархию, а не одну лишь деспотию, и находит возможным говорить о «великих (по размерам территории) монархиях» (кн. IX, гл. I, абз. 11).

Убеждение, побудившее императрицу Екатерину II отступить от выставленного Монтескье закона величины территории, сложи-

viole la loi naturelle des deux sexes et celle des êtres intelligents, c'est au législateur à faire des lois civiles qui forcent la nature du climat et rétablissent les lois primitives. — Приведенные отступления от власти климата в «Духе законов» отмечает Е. В. Спекторский, К вопросу о систематизации в обществоведении, Варш. Унив. Изв. 1903, кн. V.

* Мы говорим о «пороке» территории по аналогии с «les vices du climat», см. *Esprit des lois*, кн. XIV, гл. V, заголовок.

лось у нее не сразу. В более ранней стадии изучения «Духа законов» и размышлений над ними она не сомневалась в безусловном действии названного закона, и всецело принимала все те выводы, которые вытекают из него для государственного строя России. Эта более ранняя стадия запечатлена в тех рукописных заметках, которые Екатерина II делала на полях читанного ею печатного экземпляра «*Lettres russiennes*»¹⁹, — вышедшего в 1760 году в России и направленного против «Духа законов» полемического трактата, главной целью которого было опровержение учения Монтескье о деспотизме вообще и о деспотическом характере русского государственного строя в особенности. Заметки эти дошли до наших дней и опубликованы А. Н. Пыпиным*.

Самое стремление автора «*Lettres russiennes*» доказать, что правление в России не деспотическое, Екатерина II признала тщетным, так как назвала его спором о словах, а не по существу дела**. В то время как автор «*Lettres russiennes*» недоумевал по поводу суждений Монтескье о безвыходности и неустранимости деспотизма в России, заявлял, что он их не понимает, и говорил, что оракулы не изъяснялись темнее***, Екатерина II не находила в соответственных местах «Духа законов» ничего неясного****. В безусловном согласии с Монтескье Екатерина II признавала единственно соответствующим для России правление деспотическое и исходила при этом из закона величины территории. Подчиняясь непреложному действию последнего, она считала лишь нужным молить Бога о том, чтобы Он всегда даровал России повелителей рассудительных, которые сообразовались бы с законами, и изда-

* Пыпин, А. Н. Екатерина II и Монтескье // Вестник Европы. — 1903. — Май. Полный проверенный текст заметок дан в XII томе академического издания Сочинений императрицы Екатерины II (СПб., 1907. — С. 663–674).

** Вестник Европы, 1903 г., май. — С. 296: Monsieur dispute pour le nom, non pour chose (Сочинения имп. Екатерины II, том XII. — С. 670).

*** L. c. — P. 296–297: Quant à ce que l'A (uteur, т. е. Montesquieu) soutient, tantôt que malgré l'industrie avec laquelle le Gouvernement Russien cherche à descendre de son Despotisme, il ne le peut; tantôt que des causes particulières pourroient y ramener l'espèce de Gouvernement, qu'il y suppose actuellement; j'avoue que je n'y comprehends rien. Les oracles ne s'énonçaient pas avec plus d'obscurité. (Сочинения, т. XII. — С. 671). Автор *Lettres Russiennes* сопоставляет кн. V, гл. XIV, абз. 14 и кн. XXII, гл. XIV, абз. 1-й Духа законов.

**** L. c. — P. 297: Cependant cela n'est pas obscur (Сочинение, т. XII. — С. 670).

вали бы законы только после зрелого обсуждения и единственno в видах блага своих подданных*.

Приведенные замечания Екатерины II на «*Lettres russiennes*» подтверждают высказанную нами мысль о том, что императрица вполне отчетливо сознавала решающее значение закона величины территории по вопросу о форме правления России. Только это сознание делало для нее вполне ясным то указание «Духа законов» на особенные причины неустранимости деспотизма в России, которого не понимал или не хотел понять автор «*Lettres russiennes*». При таких условиях отступление от закона величины территории могло совершиться не иначе, как путем изменения самых основ политических воззрений Екатерины. На характер этого изменения проливает свет одно сочинение, которое появилось уже после «Наказа», но всецело было проникнуто его идеями и развивало их более детально как раз именно по вопросу об образе правления в России. Мы имеем в виду «Антидот», анонимный полемический трактат, направленный против описания России французским ученым путешественником аббатом Шаппом **²⁰. «Антидот» пытается изобличить лживость сообщенных абб. Шаппом сведений и с особенной силой восстает против изображения им русского государственного строя, как правления вполне деспотического.

Обнаружение личности анонимного автора «Антидота» мы оставим в стороне и не будем решать вопроса о том, сама ли Екатерина II писала «Антидот», или нет, на чем особенно на-

* L. c. — P. 299: Un Grand Empire comme celui de Russie se détruirait s'il y étoit établie une forme du Gouvernement autre que Despotique, parce que c'est le seul qui peut remédier avec promptitude nécessaire aux besoins des Provinces éloignées, toute autre forme détruisant par des longueurs cette activité, qui donne la vie à tout. Ainsi prions seulement Dieu qu'il nous donne toujours des maîtres raisonnables, qui se conforment aux Lois et n'en fassent qu'après mûr examen et uniquement en vue du bien de leurs sujets. — Приведенные слова написаны в конце книги *Lettres Russiennes* на свободном листке переплета. (См. Сочинение том XII. — С. 674).

** Antidote ou examen du mauvais livre: intitulé *Voyage en Sibérie fait en 1761*, s. l., 1770. Сочинение было рассчитано на три части, но из них вышли в свет только две. Критическое воспроизведение текста «Антидота» на основании двух его изданий s. l. (Петербургского) 1770 и Амстердамского 1771 г., — дано в VII томе академического издания Сочинений императрицы Екатерины II (СПб, 1901). Русский перевод «Антидота» помещен в издании П. Бартенева: *Осьмнадцатый век*, книга IV, Москва 1869 г. — С. 225—463. — В дальнейшем мы повсюду цитируем указанный русский перевод «Антидота».

стаивает В. А. Бильбасов *. Вопрос этот для нас в конце концов безразличен. Существенно важно то, что «Антидот» стоит на точке зрения «Наказа **», всецело проникнут политическим мировоззрением его автора и развивает конгениально такие черты этого политического мировоззрения, которые дают нам возможность раскрыть теоретическую основу той перемены, которая произошла в отношении Екатерины II к «Духу законов».

Написание «Антидота» вызвано несомненно оскорблением чувством народной гордости, и весь он проникнут воинствующим духом *** узкого и кичливого патриотизма. Ради прославления отечества сообщаются о нем в «Антидоте» сведения заведомо неверные. Все это в значительной степени вызвано и может быть объяснено большим предубеждением и нетерпимостью ко всему русскому, которые несомненно проявил абб. Шапп ****. Тем не менее ложно-патриотические выпады «Антидота» имеются налицо. Мы их тщательно обойдем и остановимся только на тех политико-теоретических основаниях, в силу которых «Антидот» в согласии с «Наказом» определяет русский государственный строй, как правление монархическое.

Существенно важным для решения поставленной задачи является выяснение отношения «Антидота» к Монтескье, материалом для чего служат несколько прямых и скрытых ссылок «Антидота» на «Дух законов». Этим вопросом мы и займемся в первую голову.

В общем «Антидот» относится к Монтескье с полным уважением и признает правильность, даже неопровергимость, отдельных положений его учения. По поводу высказанного аббатом Шаппом

* См. В. А. Бильбасов, История Екатерины II, том XII, часть I. — С. 79 и сл. В пользу авторства Екатерины II весьма убедительно высказывается А. Н. Пыпин во введении к VII тому академического издания Сочинений Екатерины II, в котором напечатан «Антидот» (СПб, 1901 г.).

** Наказ называется в «Антидоте» «Евангелием законности» (Осьмнадцатый век, ч. IV, с. 259), по словам автора, «становится у нас законом» (с. 260), и автор ссылается на него как на действующий закон (с. 294, 405, 461), «удовлетворен» им по всем пунктам (с. 405) и не сомневается в его воздействии на дух русского народа (с. 449).

*** «Я имею честь быть Русским», говорит автор «Антидота», «я этим горжусь, я буду защищать мою родину и языком, и пером, и мечом, пока у меня хватит жизни (Ibid. — Р. 285).

**** Недаром превозносил его такой пристрастный недоброжелатель России, как Сабатье де Кабр²¹ в своей официальной записке 1772 г. о Екатерине II, ее дворе и о России. См. Сборн. И. Р. И. О., т. 143. — С. 555.

предположения, что, быть может, этот великий человек слишком преувеличил влияние климата на народы, автор «Антидота» замечает: «мы не встречали основательной критики на г. Монтескье; многие из критиковавших его не понимали; быть может, аббат принадлежит к их числу^{*}. Не называя Монтескье, автор «Антидота» в одном месте и по специальному поводу развивает мысль Монтескье о том, что обычаи народа изменяются лучше всего тем же путем обычаев, помимо давления со стороны законодателя^{**}.

Воздавая должное авторитету Монтескье, автор «Антидота» не подчиняется ему слепо и не принимает каждое отдельное положение «Духа законов», как обособленный догмат, но сопоставляет его с другими положениями того же трактата и толкует свободно. Проявление такого сознательно-свободного отношения к Монтескье встречается в «Антидоте» по вопросу о величайшей из всех властей, власти климата.

Шапп приводит положения Монтескье о нраве народов севера, сопоставляет их с тем состоянием народных нравов, которое он наблюдал в России, и находит несоответствие между ними в том, что касается приписываемых народам севера положительных качеств, так как таковых у русских не оказалось. Подмеченное несоответствие Шапп старается объяснить тем, что «в этих положениях он (Монтескье) рассматривал северные народы независимо от правительства». Все это заявление Шаппа опровергается в «Антидоте» следующим соображением: «Шапп до своего приезда думал, что вся Россия еще находится в состоянии природном... но когда он увидел, что мы не находимся в том природном состоянии, которое он откопал в «Духе законов», он сбился с толку»^{***}. В сущности говоря, здесь нет никакого принципиального опровержения, так как и Шапп высказывает ту же мысль, что нравы русского

^{*} Осьмнадцатый век, кн. IV. — С. 435. — Такой же отзыв достался в свое время от Екатерины II автору *Lettres Russiennes: Isi notre refuteur n'entend absolument pas Montesquieu*, см.: *Вестник Европы*. — 1903. — Май. — С. 293.

^{**} Осьмнадцатый век, кн. IV. — С. 425: «В том что мы ее (бороду) носили, мы не были более виновны, чем прочие народы; мы, быть может, были неправы в том, что хотели ее сохранить; но мне кажется, что мы несколькими годами позже расстались бы с нею из моды, если бы нас к тому не принудили». Сравн. *Esprit des lois*, кн. XIX, гл. XIV, абз. 6.

^{***} Осьмнадцатый век, кн. IV. — С. 432–433.

народа сложились под воздействием не одних лишь природных условий, но и правительства. Вся разница лишь в том, что Шапп признает воздействие русского правительства отрицательным в нравственном отношении, а «Антидот» — положительным. Но неудачные приемы полемики «Антидота» нас не занимают. Для нас важно лишь подчеркнуть то, что «Антидот» ограничивает действие естественных условий одним лишь первобытным состоянием, строго следуя указанию самого Монтескье, что «природа и климат господствуют почти одни над дикарями» (кн. XIX, гл. IV, абз. 2). Другим важным для нас обстоятельством является то, что по воззрению автора «Антидота», Россия не находится в таком природном состоянии.

Свободным толкованием не ограничивается самостоятельное отношение автора «Антидота» к «Духу законов». Оно идет дальше и доходит до критического отрицательного отношения к таким положениям, которые разделяются Монтескье и рассматриваются им, как важные в деле выяснения особенностей форм правления.

Описывая южные части Сибири и окрестные местности вокруг Астрахани, Шапп говорит, что «за недостатком жителей тут встречаются одни пустыни, полагающие татарам сильную преграду». «Антидот» не только отвергает это последнее сообщение, как не соответствующее действительности, но и старается объяснить его происхождение. По этому последнему поводу автор «Антидота» обращается к Шаппу со следующим заявлением: «Очень хорошо знаю, что заставило Вас сказать, будто Россия противопоставляет татарам эти пустыни, как сильную преграду. Вы читали в старых школьных книжечках, что деспотические государства Азии имели обыкновение опустошать свои окраины, и так как вам угодно при всяком случае обзывать деспотами государей России, то вы тотчас остроумно заключили, ...что такой дескать обычай России оставлять впусте области, граничащие с татарами»*. Свой упрек Шаппу в предвзятом доктринерском схематизме автор «Антидота» достроил, вне всякого сомнения, не на старых школьных книжечках, а на «Духе законов», в котором опустошение окраин признается нормальным для деспотического государства способом обеспечения его безопасности от внешних

* Ibid. — Р. 282. Ко времени написания Антидота Шаппа уже не было в живых. Это отмечается в самом Антидоте (стр. 375) и потому обращение к лицу Шаппа имеет значение риторического оборота.

нападений^{*}. «Школьные книженки» придуманы и сообщают всей приведенной тираде тон пренебрежительного отношения к одному из положений, высказанных Монтескье.

Изобличая неточность сообщаемых Шаппом сведений о личном составе канцелярии Тобольского губернатора, автор «Антидота» говорит: «ни в одной канцелярии (губернатора) нет пятнадцати советников, ибо у нас должности не продаются, и нам не нужно столько дармоедов»^{**}. Продажность должностей привлечена в данном месте искусственно, но явно преднамеренно в видах осуждения французских порядков. Последние, как известно, легли в основу учения Монтескье о монархическом правлении. В частности Монтескье останавливается специально на институте продажных должностей и находит его хорошим для государств монархических, так как он обеспечивает достойное отправление правительственные функций и устойчивость государственных чинов^{***}. То, что автор «Антидота» хвастает отсутствием в России продажных должностей, свидетельствует о его критическом отношении к Монтескье и о наличии у него своей собственной самостоятельной концепции и конструкции монархического правления.

Что касается сведений, сообщаемых в «Духе законов» относительно России, то они признаются в «Антидоте» фактически неверными. По поводу приводимого у Шаппа рассуждения Монтескье о недопустимости признания нескромных слов за оскорбление величества и подкрепления этого рассуждения в «Духе законов» (кн. XII, гл. XII, абз. 3) отрицательным примером приговора Анны Иоановны по делу Долгоруких автор «Антидота» говорит: «Приведенные слова г. Монтескье всегда уместны там, где они помещены этим великим человеком, ибо они служат ему доводом в пользу того, что не следует наказывать смертью нескромные слова; но это место не может служить доказательством тому, что эти князья Долгорукие были приговорены к смерти за простые слова, как дает понять это аббат. Они были уличены и в другом кроме слов»^{****}. Когда Шапп цитирует известное утверждение Монтескье, что с русского надо содрать

^{*} *Esprit des lois*, кн. IX, гл. IV, абз. 1; кн. V, гл. XIV, абз. 11.

^{**} Осьмнадцатый век, кн. IV. — С. 351.

^{***} *Esprit des lois*, кн. V, гл. XIX, абз. 12–13.

^{****} Осьмнадцатый век, кн. IV. — С. 404.

кожу для того, чтобы пробудить в нем чувствительность^{*}, автор «Антидота» не только признает это утверждение неверным, но и объясняет причину заблуждений Монтескье относительно России. «Г. Монтескье не бывал в России; он судил об этой стране по писаниям лиц, не знавших ни страны, ни ее жителей; у него был проницательный ум, но он был человек, он мог ошибаться и в этом случае ошибся; факты говорят против него: русские и без операции им упомянутой не лишены чувствительности»^{**}.

При такой оценке сообщаемых в «Духе законов» сведений о России автор «Антидота», вполне понятно, не признавал для себя сколько-нибудь обязательными и отзывы Монтескье о форме правления России. Совершенно с ними не считаясь, он слагал конструкцию русского государственного строя самостоятельно; пользовался для нее общими теоретическими положениями «Духа законов», но расценивал их критически и комбинировал по собственному своему разумению.

Исходной точкой для государственно-правовых построений «Антидота» служит утверждение того несомненного факта, что Россия не находится в том природном состоянии, в котором вся жизнь народа и, следовательно, образ правления его предопределяются естественными условиями страны. Отправляясь от такого утверждения, автор Антидота, само собой разумеется, не останавливался на нем, но шел дальше и отмечал положительный культурный рост России, под влиянием которого сложился ее государственный строй.

В «Антидоте» набросана краткая, но вполне отчетливая схема политического развития России. Она представляется в следующем виде. С основания русского государства и до смерти царя Федора Иоановича, т. е. в течение более семисот лет «Россия управлялась, имела приблизительно те же нравы, шла тем же путем и находилась почти на одном уровне, как и все государства Европы^{***}... Мы шли ровным шагом со всеми прочими нациями Европы за исключением, может быть, Италии»^{****}. Этот правильный европейский рост русской государственности был нарушен только смутным

^{*} *Esprit des lois*, кн. XIV, гл. абз. 9 in fine.

^{**} Осъмнадцатый век, кн. IV. — С. 455.

^{***} *Ibid.* — Р. 289.

^{****} *Ibid.* — Р. 424.

временем, которое «замедлило наше развитие»*. Отрицательные последствия смуты были, однако, скоро заглажены и устраниены, как следует заключать из того, что царствование Алексея Михайловича приводится в «Антидоте» как «правительство, устроенное, как почти все прочие в Европе того времени, и даже лучше некоторых из них»**. Петр Великий не только «в образе жизни упразднил много церемоний и стеснений, придал ему более свободы», но и «изменил всю систему управления и даже многое в самом устройстве правительства»***. Все правительственные реформы Петра Великого признаются благотворными****, и среди них на первое место выдвигается учреждение Сената*****. «В последние семьдесят лет» русским народом сделаны «исполинские шаги»*****. Высшим политическим достижением России является «Наказ» Екатерины II, в котором, по словам «Антидота», «Государь, тщательно собирая со всех сторон начала, наиболее способствующие тому, чтобы сделать человека счастливым, сам делает им свод и говорит своим подданным: вот начала, которые, по моему мнению, могут вас осчастливить! Если бы мне были известны лучшие, я бы их вам предложил: начертите мне проект законов по вашему усмотрению и представьте мне его для того, чтобы мы могли выработать их общими силами»*****.

Имея такое представление о политическом развитии России, автор «Антидота» не допускает возможности укладывать русский государственный строй в рамки деспотизма, определяемого такого рода естественными условиями, безраздельное господство которых проявляется в «природном состоянии». «Что разумеете вы», спрашивает автор «Антидота» аббата Шаппа, «под словами деспот, деспотический? Такое ли правительство, при котором

* Ibid. — P. 425.

** Ibid. — P. 290.

*** Ibid. — P. 426.

**** Исключение составляет лишь усиление при Петре Великом обязательной службы дворян путем превращения ее из службы по призыву в постоянную. «Один только закон Петра I стеснил дворянство» (Ibid. — P. 315, сравн. р. 326). Это исключение объясняется и смягчается тем, что новый порядок был установлен «в бедственную минуту после Нарвской битвы²²» (Ibid. — P. 426).

***** Ibid. — P. 242, 295–296.

***** Ibid. — P. 456.

***** Ibid. — P. 259.

мгновенная воля одного лица решает все, и эта неписанная воля осуществляется немедленно? Или такое, при котором писанная воля Государя именуется законом? Этот последний случай, по-лагаю я, существует у вас, как и у нас» *. В приведенной тираде явно сказывается убеждение автора в том, что нет основания выделять российскую империю из общего типа европейской абсолютной монархии и противопоставлять ее последней в качестве правления деспотического **.

В частности автор «Антидота» не находит достаточно основания к тому, чтобы выставлять французский государственный строй в качестве лучшего образца монархического правления, превосходящего политический строй других монархий. В качестве особых преимуществ государственного устройства Франции обычно выдвигались два института: парламенты и основные законы. Автор «Антидота» отказывается признать в них выражение и доказательство превосходства Франции над другими монархическими странами, так как учреждение вполне аналогичное парламентам имеется в России, а устойчивость и, пожалуй, даже существование основных законов сомнительны в самой Франции. «Вы имеете», обращается «Антидот» к французам, «парламенты, отказывающиеся принимать дурные законы, но которых к тому принуждают после

* Ibid. — Р. 290. — Само собой разумеется, что автор «Антидота», как приверженец идей «Наказа» и, следовательно, его первоисточника — «Духа законов», считал второе понимание деспотизма неправильным, ибо видел в этом случае правление монархическое (см. *Esprit des lois*, кн. II, гл. I). Подчеркиваем, что у нас все время идет речь о том различии между монархией и деспотией, которое проводил Монтескье. Возможно, конечно, и более широкое понимание деспотизма, при котором оба вида неограниченного единовластия сливаются. Так, напр., в вышедшем в 1784 году сочинении *Anecdotes of the Russian Empire* by W. Richardson читаем: I believe sincerely that no despot, or if you like the therm better, non absolute monarch ever ruled with more prudence... that the present Empress of Russia (p. 199), — см.: Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй. — Том XII. Ч. I. — № 439. — С. 300.

** Считаем не лишним напомнить, что в самом «Духе законов» монархическое правление от деспотического отличается далеко не резкими чертами. См. кн. III, гл. X, абз. последн.: Quoique la manière d'obéir soit différente dans ces deux gouvernements, le pouvoir est pourtant le même. De quelque côté que le monarque se tourne, il emporte et précipite la balance, et est obéi. Toute la différence est que, dans la monarchie le prince a des lumières, et que les ministres y sont infiniment plus habiles et plus rompus aux affaires que dans l'Etat despotique.

некоторых препираний: у нас есть Сенат, имеющий те же права *; но наши Государи избегли протестов, издавая законы лишь по представлению этого Сената, или воздерживаясь от того, что могло бы навлечь на них протест... Вы сошлетеся на ваши основные законы, а я отвечу вам, что они до сих пор составляют предмет постоянных споров; сколько раз ваши парламенты утверждали, что такая-то вещь согласна или не согласна с основными законами, и сколько раз двор отвечал им голословным отрицанием, или приказанием молчать? Вы мне скажете, что самые эти споры доказывают существование этих законов: но отрицания и приказания молчать не доказывают ли существование неограниченной власти? ** Компетенция Сената преувеличена в «Антидоте» *ad maiorem gloriam patriae*. В оправдание автора «Антидота» можно впрочем привести то, что так определяется компетенция Сената, как хранилища законов, в «Наказе», а «Наказ» почитается в «Антидоте» за действующий закон. Нас одного интересуют не частные утверждения «Антидота» об отдельных учреждениях, а общая его мысль о том, что нельзя считать французский государственный строй совершенным и единственным образцом монархического правления: в глазах автора «Антидота» французские политические порядки особенно обесцениваются от того, что на «Наказ» Екатерины II наложен во Франции цензурный запрет, о чем несколько раз упоминается в «Антидоте» ***.

Защищая русских от обвинений со стороны Шаппа в невежестве, безнравственности, несправедливости и рабстве, автор «Антидота» сравнивает отдельные стороны культурного состояния России и прочих стран Европы. Сравнение приводит его к выводу, что обычаи, нравы, социальные и политические отношения слагаются и проявляются во всех странах более или менее

* В другом месте «Антидота» прямо сказано, что Петр Великий предоставил Сенату право делать представления Государю в тех случаях, когда он в его распоряжениях усматривал что-либо противное законам или вредное для государства. См. Осьмнадцатый век, кн. IV. — С. 295—296.

** Осьмнадцатый век, кн. IV. — С. 242.

*** Ibid. — Р. 261, 294, 449. — Фальконет ²³ писал Екатерине II в 1769 г., что по сообщениям парижских книгопродавцов «Наказ» не был запрещен во Франции, указывая, что не было издано об этом печатного постановления Парижского парламента, как это обыкновенно делалось в подобных случаях. См. Сборн. И. Р. И. О., том XVII. — С. 91. — Мне тоже не удалось найти в парламентских печатных актах соответственного постановления, и я думаю, что сообщение Фальконета правильно.

одинаково по существу^{*}. На этом основании автор заключает, что русские, как и все прочие люди, ни вполне хороши, ни вполне дурны: «такое среднее состояние в природе вещей, и существует у всех народов, ибо человек всегда приблизительно одинаков, под каким бы небом он ни родился»^{**}. Став на такую точку зрения, автор «Антидота» упрекает Шаппа в том, что «он не рассматривает человека как жителя вселенной везде одинакового^{***}, и что в этом смысле «г. д'Отерош, как вы видите, не космополит»^{****}.

Такова теоретическая подкладка отстаиваемого в «Антидоте» воззрения на Россию и ее государственный строй. Автор «Антидота» отправляется от идей «Наказа», неуклонно им следует и пользуется ими как орудием в борьбе с противником. В пространном полемическом трактате идеи «Наказа» получили дальнейшее более подробное развитие и обстоятельную разностороннюю аргументацию. И то, и другое проведено в духе, строго конгениальном источнику. Вследствие этого всю изложенную выше теоретическую подкладку «Антидота» можно приложить к «Наказу» и найти в ней обоснование тех отступлений от Монтескье, которые не своевольно, а в силу определенного убеждения допущены были императрицей Екатериной II^{*****}.

В порядке обоснования отступлений Екатерины II от отдельных сторон политического учения Монтескье и, следовательно, в процессе самостоятельного использования Екатериной политического материала «Духа законов» для ее «Наказа» наиболее существенными оказались, по нашему мнению, следующие положения: 1) что естественные условия определяют политическую организацию только в природном состоянии народов, из какового Россия давно уже вышла, так что для возвращения в ней более совершенного правления естественные условия не могут являться препятствием непреодолимым; 2) что французские государственные порядки не представляют собой совершенноного и единственного образца монархического правления; 3) что усовершенствование государственного строя всегда может быть

^{*} Осмнадцатый век, кн. IV. С, 239, 247, 254, 258, 259, 270, 310, 320, 325, 337, 344—345, 359, 361, 364, 370, 371, 380, 394, 395, 401, 425, 447, 457, 458.

^{**} Ibid. — P. 339.

^{***} Ibid. — P. 339.

^{****} Ibid. — P. 429. — Полная фамилия Шаппа — Chappe d'Auteroche.

^{*****} Как читатель видит, мы склоняемся в пользу признания Екатерины II автором «Антидота».

достигнуто разумными мерами законодательства, так как люди более или менее одинаковы повсюду.

Последнее положение о том, что всем людям свойственно некоторое среднее состояние согласно природе вещей, и что люди поддаются преобразовательному действию законов, заслуживает быть особенно отмеченным, так как в нем оказались свойственный рационалистическому характеру «века просвещения» универсализм и вера в безусловную созидающую силу разума. Некоторые писатели полагают, что указанные черты свойственные мировоззрению всех представителей XVIII века, в том числе и Монтескье, которому напрасно приписывают релятивизм и убеждение в исключительной зависимости социальных отношений от объективных условий среды *. Мы думаем, что такая оценка Монтескье не правильна. Автор «Духа законов» мыслимому рациональному порядку вещей противопоставил разум существующего порядка вещей, таким образом пробил первую брешь в рационализме и провозгласил относительную разумность многообразия существующего в условиях внешней среды. Но, будучи сыном своего века, он наряду с этим сохранял веру в созидающую силу разума и придавал рациональным политическим формулам значение всемогущее и универсальное. Изучая Монтескье и поучаясь у него, Екатерина II первоначально усвоила его мысль о неустранимом действии естественных условий, но затем преодолела эту мысль и последовала другому, — более рационалистическому и универсалистическому течению, которое более соответствовало одушевлявшей ее идее просвещенного абсолютизма.

* Ferdinand Brunetière, *L'erreur du XVIIIe siècle*, *Revue des deux mondes*, 1902, livr. du 1er Août, p. 656: C'est à Montesquieu que l'on fait généralement honneur d'avoir posé, si je puis ainsi dire, ce déterminisme historique. La vérité est qu'il n'a guère fait que l'entrevoir, et la conclusion dernière a tirer de son *Esprit des lois* serait tout aussi bien, si l'on ne le voulait, que les hommes sont les maîtres de lois qui les régissent. Les lois du passé, celles du Latium ou du Malabar, de la Grèce ou de Bornéo, sont l'oeuvre des circonstances, mais les lois de l'avenir, celles de la cité future, étant l'oeuvre du calcul et de la raison, le seront donc aussi de notre liberté: voilà proprement ce qu'enseigne Montesquieu.

VII. РОССИЯ В МЫСЛИ И ТВОРЧЕСТВЕ МОНТЕСКЬЕ

Федор Васильевич Тарановский
(1875–1936)

Профессор, историк права. Автор многочисленных трудов по истории права, в частности по истории права славянских народов: диссертация на степень доктора государственного права «Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке» (1911), «Учебник энциклопедии права» (1917), «История сербского права в государстве Неманичей» (1931–1935) и др. Был представителем школы государствоведения, задача которой состояла в систематизированном описании атрибутов государства (государственное устройство, законы, территория, население и пр.). Помимо настоящей статьи, посвященной изображению государственного устройства России в «Духе законов», ему также принадлежит отдельное небольшое исследование о Монтескье — «Заметки о Монтескье» (1913).

Ф. В. Тарановский
Монтескье о России
(К истории Наказа императрицы Екатерины II)

Печатается по: Тарановский, Ф. В. Монтескье о России (К истории Наказа императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей. 1922. — С. 178–223.

¹ Джон Перри — см. примеч. к статье М. П. Алексеева.

² Людовик XIV (*Louis XIV*) (1638–1715) — французский король (с 1643 г.) из династии Бурбонов, известен также как «король-солнце». Его правление, длившееся 72 года, является наиболее продолжительным в истории Франции. Проводил политику, направленную на укрепление абсолютной монархии. Его царствование было отмечено укреплением политического и культурного престижа Франции на международной сцене, но вместе с тем и многочисленными разорительными войнами и возобновлением религиозных конфликтов после отмены Нантского эдикта, даровавшего свободу вероисповедания французским протестантам.

³ Селевк I Никатор (ок. 358–281 гг. до н.э.) — полководец, доверенное лицо и приближенный соратник Александра Великого, основатель династии и государства Селевкидов. В его правление были осуществлены первые попытки исследования Каспийского региона. По сообщениям древних авторов (Плиний), в поисках торгового пути в Индию Селевк намеревался соеди-

нить Каспийское море с Черным, однако осуществлению этого намерения помешала внезапная кончина Селевка. Впоследствии попытки изучения и освоения Каспийского моря, а также соединения его с Черным морем через реки Волга и Дон с помощью канала были предприняты Петром I в конце 1690-х гг. Строительство канала было поручено немецкому инженеру Иоганну Брекелю, затем – англичанину Джону Перри, но не было завершено в связи с началом Северной войны.

⁴ *Танаис* — древнее название реки Дон.

⁵ Имеется в виду «Высочайший Манифест о вступлении на Престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на Императорскую корону» от 28 ноября (9 декабря) 1741 г. Манифест апеллировал к завещанию императрицы Екатерины I, в котором устанавливался определенный порядок престолонаследования в семье Романовых. Однако, игнорируя положение завещания, согласно которому «мужского пола наследники пред женскими предпочтение имеют», в Манифесте умалчивалось о правах на престол Карла Петра Ульриха (будущего Петра III) и указывалось на то, что по смерти Петра II Елизавета Петровна оставалась единственной законной наследницей. В частности, в Манифесте говорилось о запрете занимать престол лицам, уже обладавшим другими коронами: «никто никогда Российским Престолом владеть не может, который не Греческого закона, или кто уже другую корону имеет».

⁶ Указ Петра I «О наследии престола», известный как Указ о престолонаследии, был подписан 5 (16) февраля 1722 г. Указ давал монарху право назначать себе преемника по своему усмотрению, ломая древний обычай передачи власти от отца к сыну. Подписание Указа было вызвано стремлением Петра I не допустить перехода власти к его внуку Петру Алексеевичу (сыну опального царевича Алексея) и оппозиционной группировке, враждебно настроенной по отношению к его реформам. В том же 1722 г. ближайший сподвижник Петра I Феофан Прокопович выпустил книгу «Правда воли монаршей», в которой обосновывал право монарха распоряжаться будущим государства по собственной воле. В связи с неожиданной кончиной сам Петр I не оставил завещания и не воспользовался закрепленным в Указе правом. Указ нарушал прочный порядок преемственности монархической власти и в течение XVIII в. послужил предпосылкой ряда дворцовых переворотов.

⁷ 17 мая 1744 г. вышел указ Елизаветы Петровны «О присылке в Сенат списков о колодниках, приговоренных к смертной казни, или к политической смерти о неисполнении над ними приговора прежде Сенатского указа». В соответствии с указом, приостанавливалось приведение в исполнение наказаний по делам колодников, приговоренных к смертной казни или политической смерти, а в отдельных случаях и к вечной ссылке. Запрещалось выносить смертные приговоры на местах и предписывалось пересыпать дела в Сенат для высочайшего рассмотрения. Указ не означал отмену смертной казни как таковой, но в действительности приостановил практику смертной

казни на время всего правления Елизаветы Петровны и положил начало политике по смягчению пенитенциарной системы в России.

⁸ *Князья Долгорукие* — см. примеч. 27 к статье Н. Ю. Плавинской.

⁹ В правление Петра I была издана целая серия указов о порядке подачи челобитных. Наиболее ранний указ, о котором, скорее всего, идет речь в книге Дж. Перри, относится к 1714 г. Указ Петра I закреплял определенную последовательность обращений к властям (комендант города — губернатор — Сенат — царь) и предусматривал наказание за нарушение установленного порядка. Этот документ продолжил начатое Соборным уложением 1649 г. законодательное запрещение подавать просьбы непосредственно государю как к судье последней инстанции, минуя инстанции на местах.

¹⁰ Батоги и кнут — орудия, которыми осуществлялись телесные наказания за преступления. В России наиболее широкое применение имели в XVII в. Наказание батогами было менее тяжким и назначалось за менее важные преступления. Наказание кнутом назначалось за важные уголовные правонарушения и было более распространенным. Число ударов батогами или кнутом не было точно определено в законодательных актах, которые, тем не менее, различали простое битье и нещадное. Битье кнутом часто было сопряжено с другими видами наказаний, например, денежными взысканиями, тюремным заключением или ссылкой.

¹¹ *Жан Боден* — см. прим. 30 к статье А.Н. Пыпина

¹² *Джильс Флетчер* (1548–1611) — английский поэт и дипломат. Приехал в Россию в 1588 г. в качестве посланника королевы Елизаветы к царю Федору Иоанновичу для ведения переговоров по поводу предоставленной английской торговой компании в Москве монополии на беспошлинную торговлю с Россией. Посольство не было успешным, и в 1589 г. Флетчер покинул Россию. В 1591 г. в Лондоне вышло его сочинение «О государстве русском», содержащее сведения о географии, политическом и церковном устройстве, быте и нравах Московской Руси. Ввиду резкого тона, способного оскорбить Московское правительство и послужить поводом к репрессиям по отношению английских торговых людей в Москве, книга была запрещена на родине автора. Первый русский перевод книги был осуществлен в середине XIX в. князем М.А. Оболенским, но также запрещен к распространению вплоть до начала XX в.

¹³ Указание на указ 1718 г. ошибочно. Говоря о новом указе Петра I (кн. XII гл. 26 «Духа законов» «О том, что монарх должен быть доступным»), Монтескье ссылается на книгу «Состояние России при нынешнем царе» Дж. Перри как на источник сведений. Поскольку Монтескье пользовался парижским изданием 1717 г., в ней не могло содержаться сведений о событиях 1718 г.

¹⁴ *Норманская теория* — концепция в историографии, согласно которой варяги, призванные на княжение ок. 862 г. и положившие начало древнерусской княжеской династии Рюриковичей, были скандинавами (или норманами). Впервые получила научное оформление в работах немецких

историков, состоявших на службе в Петербургской академии наук: Г.З. Байера («О варягах», 1735), Г.Ф. Миллера («О происхождении народа и имени российского», 1749), А.Л. Шлётцера («Нестор», 1802–1809).

¹⁵ *Карл XII* (1682–1718) — король Швеции (с 1697 г.), полководец. Основные события жизни связаны с его участием в Северной войне 1700–1721 гг., где против Швеции выступила коалиция государств Северной Европы (Дания, Саксония, Россия, Речь Посполитая и др.). Несмотря на ряд значительных побед, одержанных армией под командованием Карла XII на первых этапах, война завершилась полным поражением Швеции и утратой ею великодержавного статуса. Переломным моментом войны стал «русский поход» Карла XII, закончившийся поражением шведской армии под Полтавой в 1709 г. и бегством короля в г. Бендеры, в Османской империи.

¹⁶ *Затейка верховников* — см. прим. (Февральские события 1730 г.). к статье З.И. Гершковича.

¹⁷ В правление императрицы Елизаветы Петровны действительно был издан указ об изгнании евреев, но не в 1745, а в 1742 г. Имеется в виду именной указ Елизаветы Петровны от 2 (13) декабря 1742 г. «О высылке как из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень всех Жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их именем за границу и о невпусканье оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру Греческого исповедания». На практике указ Елизаветы Петровны не был полностью исполнен, т.к. встретил сопротивление как у населения, так и у самих чиновников и даже в церковных кругах ввиду риска утраты значительного источника прибыли для государственной казны.

¹⁸ «Наказ» Екатерины II — см. примеч. к статье А. Н. Пыпина.

¹⁹ Книга под заглавием «*Lettres russiennes*» была напечатана в 1760 г. в типографии Петербургской академии наук без указания имени автора. Авторство книги, по-видимому, оставалось неизвестным на протяжении всего XVIII и даже в первой половине XIX в. В журнале «Сын отечества» за 1829 г. был опубликован ее фрагментарный критический перевод под заглавием «Защищение Российского правления иностранцем против иностранца с примечаниями Русского», выполненный известным издателем и переводчиком Иваном Ивановичем Мартыновым. Мартынов говорит об авторе «*Lettres russiennes*» как о «неизвестном сочинителе». П.П. Пекарский в известной «Истории Академии наук в Петербурге» (1870) уже включает «*Lettres russiennes*» в число сочинений Фридриха Генриха Штрубе де Пирмона (1704–1776), хотя ошибочно называет их опровержением «Персидских писем» Монтескье. Штрубе де Пирмон занимал должность профессора юриспруденции и политики Петербургской Академии наук. Ему принадлежит ряд работ, посвященных российскому законодательству: «Краткое руководство к российским правам» (осталось в рукописи), «Слово о начале и переменах российских законов» (1756), «Рассуждение о древних россиянах» (1791) и др.

²⁰ Жан Шапп д'Отрош — см. примеч. к статье А. Н. Пыпина.

²¹ Оноре-Огюст Сабатье де Кабр — французский дипломат. В 1770–1772 гг. состоял в должности поверенного в делах Франции при дворе Екатерины II. Ему принадлежит «Записка о России в 1772 г.», где он критикует существующие описания путешествий в Россию, называя их легкомысленными компиляциями (*compilations faites légèrement*), но делает исключение для аббата Шаппа д'Отроша, отличающегося ученостью и практическим знанием предмета изображения. «Записка» была впервые опубликована во второй половине XIX в.: *Sabatier de Cabre H.-A. Catherine II, sa cour et la Russie*. — Berlin, 1869.

²² Нарвская битва — одно из первых сражений Северной войны 1700–1721 гг., состоявшееся 19 (30) января 1700 г. у стен крепости Нарва между русской армией Петра I и шведской армией под командованием Карла XII. В результате сражения шведская армия одержала над превосходящими силами русской армии решительную победу, которая принесла Карлу XII европейскую славу великого полководца.

²³ Этьен-Морис Фальконе (1716–1791) — французский скульптор. По рекомендации Д. Дидро был приглашен в Россию Екатериной II для создания конной статуи Петра I. Прожил в Петербурге с 1766 по 1778 гг. За 12 лет пребывания в Петербурге состоялось лишь несколько встреч с Екатериной II, но сохранилась пространная переписка, в которой затрагивается самый широкий круг вопросов: военные кампании России, «Наказ» и его судьба во Франции, сочинения иностранцев о России, в т.ч. мнение Фальконе о «Путешествии в Сибирь» аббата Шаппа д'Отроша, приобретение произведений искусства для русского двора и пр. См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 17: Переписка императрицы Екатерины II с Фальконетом. — СПб, 1876.

М. П. Баскин Философские взгляды Монтескье

Печатается по: Баскин, М. П. Монтескье. — М.: Мысль, 1975. — С. 126–140.

¹ Подразумевается концепция географического детерминизма французского мыслителя..

² Чезаре Беккариа — см. примеч. 89 к статье А. А. Никонова.